

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

ЯЗЫК РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ И РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
E. A. Земская

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
Sonderband 53

Москва — Вена
2001

ББК 81.2Рус
Я 41

Исследование выполнено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-60202

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16063

Р е ц е п т и з е н т ы:

канд. филол. наук Н. А. Николина
канд. филол. наук М. А. Осипова

Я 41 Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты; Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская. - М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001. - 496 с., ил. (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0175-7

Монография состоит из двух частей.

Часть первая «Общие процессы и индивидуальные речевые портреты» (автор Е. А. Земская) раскрывает на сделанных автором в 90-е годы магнитофонных и ручных записях «речи русских эмигрантов разных волн», живущих в Италии, Франции, Германии, Финляндии и США. Дополнительно привлекались данные письменной речи – материалы семейных архивов (воспоминания, переписка, дневники). Автор предпринял комплексный путь исследования, поставил перед собой задачу в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности / разрушения русского языка. Часть I включает Приложение «Речевой портрет семьи», написанный М. А. Бобриком.

Во второй части монографии «Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграций» (автор М. Я. Гловинская) исследуются языки первых поколений (людей, покинувших Россию взрослыми) всех четырех волн эмиграции. Материалом главным образом служили письменные источники. Даётся типология ошибок эмигрантов и устанавливаются языковые факторы, способствующие их появлению. Анализ грамматических ошибок производится на фоне языковых процессов, протекающих в русском языке в последнем столетии.

Книга представляет интерес для социолингвистики, для теоретического языкознания, так как она дает возможность ответить на вопрос, какие участки системы языка в первую очередь поддаются воздействию чужих языков и по каким причинам, а какие являются наиболее устойчивыми, а также для историков русской культуры и быта, для всех, кто интересуется языком и жизнью русских людей за рубежом.

ББК 81.2Рус

*В оформлении обложки использована картина R. Dufy
«Vieilles maisons sur le bassin à Honfleur» (1906)*

Исключительное право на распространение этого издания за рубежом имеет только фирма Kubon & Sagner (Heßstraße 39/41 Postfach 34 01 08 D-8000 München 34; fax: (089) 54-218-0; tel: (089) 54-218-218)

ISBN 5-7859-0175-7

© Авторы, 2001

9 785785 901759 >

Оглавление

Введение (Е. А. Земская)	1
Часть первая	
Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты	
(Е. А. Земская)	
От автора	1
Глава I. Введение	1
Возможные направления исследования	1
Материал исследования	1
Характер записей	1
Сведения об информантах	1
Уточнение некоторых понятий	1
Глава II. Волны эмиграции	1
Первая волна	1
Вторая волна	1
Третья волна	1
Четвертая волна	1
Глава III. Два полюса	1
Первый полюс	1
Второй полюс	1
Глава IV. Типические особенности речи эмигрантов первой волны и их потомков	1
Вводные замечания	1
Фонетика	1
Черты разговорности	1
Черты архаичности	1
Иноязычное влияние	1
Интонация	1
Консонантизм	1

Сандхи	82
Вокализм	82
Произношение иноязычных слов	83
Грамматика	84
Морфология	85
Существительное	85
Прилагательное	92
Глагол	93
Предлог	94
Синтаксис	96
Кальки	96
Пассивные конструкции	100
Черты разговорности	102
Выводы	103
Лексика	110
Вводные замечания	110
Устарелая лексика	111
О языковой рефлексии эмигрантов первой волны	115
Иноязычные слова и выражения	119
Кальки	121
Наименования родственных отношений	122
Типические неправильности	123
Черты разговорности	124
Черты просторечия	126
Словообразование	128
Отрицательный языковой материал	130
Языковая игра	131
Слова-гибриды	134
Особенности речевого поведения	135
О роли индивидуальных свойств человека и его личной истории в сохранении русского языка	140
«Что было бы, если бы...»	145
Выводы	148
Глава V. Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции	152
Приложение № 1	166
Приложение № 2	173
Приложение № 3	180
Глава VI. Функции английской лексики в речи эмигрантов разных волн, живущих в США	184
Выводы	197

Оглавление

<i>Глава VII. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке</i>	2
Выводы	2
<i>Глава VIII. Факторы, способствующие сохранению русского языка</i>	2
<i>Глава IX. Тексты</i>	2
Вступительные замечания	2
Из рассказа дизайнера	2
<i>Глава X. Речевые портреты</i>	2
Лена Бузина	2
Отклонения от норм русского языка	2
Фонетика и интонация	2
Лексика	2
Грамматика	2
Черты разговорности	2
Фонетика	2
Синтаксис	2
Лексика	2
Построение текста	2
Мать и дочь	2
Аленка Оболенская	2
Фонетика	2
Консонантизм	2
Вокализм	2
Сандхи	2
Морфология	2
Существительное	2
Прилагательное	2
Числительное	2
Глагол	2
Предлог	2
Синтаксис	2
Лексика	2
Русская лексика	2
Иноязычная лексика	2
Кальки	2
Типические неправильности	2
Неправильное использование словообразовательных средств	2
Черты разговорности и элементы просторечия	2
Фонетика	2
Лексика	2

Синтаксис	254
Элементы просторечия	255
Выводы	255
Заключение	257
Список использованных сокращений	269
Список фотографий	270
Литература	271
<i>Приложение. Очерк языка семьи (автор — М. А. Бобрик)</i>	278
1. Няня Фима	287
2. Игорь Алексеевич	294
3. Наталья Владимировна	299
4. Ваня	304
5. Алёша	309
6. Мура	317
7. Вова	323
8. Николай Алексеевич	323
Литература	338
 Часть вторая	
Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции	
(М. Я. Гловинская)	
<i>Глава I. Вводные замечания</i>	341
Цель и предмет исследования	341
Отличия языка первого поколения эмиграции	
от языка их потомков	341
Принципы отбора авторов и информантов	345
Материал исследования	346
Статус письменных и устных ошибок	347
<i>Глава II. Явления, общие для языка эмиграции и метрополии</i>	349
Из фонетических наблюдений: «вокализованные» предлоги	349
Существительное: ослабление формального	
противопоставления падежей	351
Морфологические явления	351
Флексии существительных	352
Путаница флексий родительного и предложного падежей	353

Синтаксические явления	1
Конкуренция родительного и винительного падежей	1
Именительный вместо родительного в счетных конструкциях	1
Родительный падеж вместо дательного	1
Дательный падеж вместо творительного	1
Дательный падеж вместо винительного	1
Путаница именительного и косвенных падежей в предикативной, копредикативной и близких к ней валентных конструкциях	1
Предложное управление вместо беспредложного	1
Беспредложное управление вместо предложного	1
Зависимый инфинитив вместо косвенного падежа	1
Глагол: видо-временная система	1
Функционирование видо-временных форм в русском языке	1
Вводные замечания	1
Выражение кратности формами совершенного вида (Форма СОВ ПРОШ.—Форма СОВ БУД.—Аналитические тенденции в выражении идеи кратности)	1
Выражение длительности формами совершенного вида (Длительная конструкция.—Конструкции, близкие к длительной)	1
Вид в контексте отрицания и модальных слов и смыслов	1
Заключительные замечания	1
Разрозненные ошибки в употреблении видо-временных форм	1
Синтаксис: семантически не мотивированные правила	1
Абсолютные обороты. Рассогласование по кореферентности	1
Выбор притяжательного местоимения	1
Лексика: утрата терминов дальнего родства	1
Глава III. Специфические явления в языке эмиграции	1
Морфология: число существительных	1
Синтаксис	1
Синтаксис словосочетаний	1
Комитативные конструкции	1
Сравнительные конструкции (Устаревшее употребление суперлатива.—Выражение идеи тождества вместо идеи подобия.—Выражение идеи подобия (сравнения) вместо идеи тождества.—Семантическое противоречие между словами со значением степени.—Нарушение синтаксической однотипности компараторов.—Опущение катафорического местоимения <i>tak</i> или <i>в такой мере</i> .—Неправильный выбор сравнительного союза).	1
Сочинительные конструкции (Нарушение синтаксического параллелизма при сочинении.—Неправильное применение со-	1

чинительного сокращения при совмещении сочинительной и сравнительной конструкций	408
Отрицательные конструкции	409
Временные конструкции	412
Пассивная конструкция	414
Посессивные конструкции	416
Полные и краткие прилагательные в роли предикатива	417
Управление (Приданье слову управляющих свойств, которых оно не имеет.—Контаминация управления близких по смыслу слов.—Перенос глагольного управления на имя субъекта действия.—Некорректное управление в случае анафоры.—Управление как результат влияния языка окружения)	419
Синтаксис простого предложения	422
Порядок слов	422
Препозиция дополнения	422
Постпозиция определения	423
Некорректная препозиция атрибутивной группы	423
Некорректное размещение валентного зависимого	423
Неправильное размещение препозитивной частицы	424
Нарушение правила проективности синтаксических структур	424
Необычный порядок слов в группе сказуемого	424
Коммуникативная организация высказывания	424
Некорректный вынос в речь нетематического элемента	425
Некорректный вынос в тему нетематической именной группы	425
Две темы в одном высказывании	426
Опущения и повторы	426
Опущение подлежащего	426
Запрещенный повтор подлежащего	429
Опущение дополнения	430
Опущение управляющего слова	431
Опущение эксплелитивного местоимения <i>то</i>	432
Опущение связи	432
Лексика	432
Альтернативные номинации покинутой страны и ее реалий	433
Заимствования из языка окружения	437
Лексические кальки	446
Лексические функции (<i>Magn.</i> — <i>Oper.</i> — <i>Func₀</i> — <i>Caus.</i> — <i>Real₁</i>)	446
Сочетаемость отдельных слов	452
Буквальный перевод чужого слова или выражения	454
Семантические кальки	454
Антикалька	455

Оглавление

Ложные друзья (faux amis)
Неправильный выбор синонима или семантически близкого слова
Смешение слов с близким звучанием (и иногда с частичным совпадением по смыслу)
Мелочи (<i>достать, подъехать в, надевать—одевать, где-то</i>)
Союзы, частицы, предлоги
Союзы
Частицы
Предлоги
Заключительные замечания. Язык эмиграции как свидетельство
о неустойчивых участках языка метрополии
Ошибки на развивающихся участках языка
Ошибки на «идиоматичных» участках языка
Ошибки на универсально слабых участках языка
Литература
Список авторов (помимо охарактеризованных в тексте)
Резюме (на английском языке)

ОЧЕРК ЯЗЫКА СЕМЬИ

За то время, что я живу в Берлине, мне приходилось наблюдать различные типы языкового сознания и различные модели речевого поведения эмигрантов из России. Разнообразие речевого ландшафта этой среды создается подвижностью языка как внутри себя, так и в контактах с языком окружения. При этом индивидуальная модель речевого поведения всегда соотносима с ценностной ориентацией конкретного носителя русского языка.

Шкала эмигрантского узуса, крайние точки которой могут определяться по-разному в зависимости от избранного угла зрения, не соотносится впрямую с волнами русской эмиграции 20-го века. Взаимодействие внеязыковых и собственно языковых признаков сложно организует как каждую отдельную речевую модель, так и все эмигрантское языковое сообщество в целом. Анализ его языкового узуса мог бы идти разными путями. Одна из возможностей состояла бы, например, в том, чтобы проследить тенденции речевого поведения по отдельности для каждого из параметров узуса; другую возможность составила бы типология речевых моделей; третью — монографическое портретирование отдельных носителей языка или семей и т. д.

В предлагаемом очерке мне хотелось бы дать представление о своеобразии русского языка конкретной семьи эмигрантов на фоне современной нормы. Ценность этого материала я вижу не только в перспективе истории русского языка начала 20 века (факты прошлой нормы), но и в перспективе контрастивного изучения немецкого и русского языков (явления акцента), лингвистической социологии (модели речевого поведения) и изучения механизмов дву- и многоязычия (мотивы функционального распределения языков; мотивы выбора вариантических форм русского языка в специфических условиях иноязычного окружения и т. п.).

Семья Ф., о которой здесь пойдет речь, заслуживает внимания прежде всего потому, что мы обладаем редкой полнотой материала о ней: он отражает речь нескольких поколений этой семьи. Особую ценность представляют магнитофонные записи, сделанные главой семьи — Иго-

рем Алексеевичем в конце 50-х — начале 60-х годов. В тот период, когда делались магнитофонные записи, семью составляли: отец — Игорь Алексеевич, мать — Наталья Владимировна, их дети — Ваня, Алеша, Мура и Вова, бабушки — Анина Симоновна (мать Натальи Владимировны) и Ольга Робертовна (мать Игоря Алексеевича) и няня Фима. Все они жили вместе. Упомянутые записи замечательны не только тем, что сохранили речь покойной «няни Фимы» и — фрагментарно — других взрослых членов семьи, но и тем, что позволяют услышать речь детей, причем для трех старших запись фиксирует (на одних и тех же текстах) два состояния произношения, на несколько лет отстоящих друг от друга во времени. Сравнение этих состояний между собою, а также с сегодняшним состоянием произношения каждого из детей Ф. дает незаменимую возможность наблюдать динамику русской речи в специфических условиях эмиграции.

Каждому из членов семьи (кроме Ольги Робертовны за недостатком материала) в очерке отводится специальный раздел. Он всегда открывается биографической справкой, в которую включены только такие сведения, которые представляются существенными для истории формирования языкового поведения данного человека. Общая характеристика его речи дается в заключение биографической справки. Затем приводятся наиболее характерные черты фонетики, интонации, грамматики и лексики в речи портретируемого. Говоря «характерные», я имею в виду те языковые явления, которые воспринимаются как отклонения на фоне норм современного русского языка.

Особняком в очерке стоит последний, восьмой раздел. Он посвящен младшему сыну Ольги Робертовны, Николаю, который был вынужден покинуть Германию по окончании Второй мировой войны и оказался с семьей в Австралии. Наблюдать его в живом общении у меня до сих пор не было возможности, однако о характере его письменной речи можно судить по приводимым в очерке письмам. Они представляют ценность не только как факт языка, но и как факт языковой рефлексии, так как содержат целый ряд языковых наблюдений и оценок. Кроме того, эпистолярные мемуары Николая Алексеевича служат своего рода комментарием к языковым судьбам семьи, которые проступают более объемно на фоне «малой», семейной, и «большой» истории.

Необходимо сказать, что от приводимого в очерке материала не следует ожидать равного по полноте отражения речи всех членов семьи Ф. Эта оговорка необходима прежде всего потому, что членов се-

мыи я могу наблюдать с неодинаковой интенсивностью. Наиболее дифференцированное представление у меня сложилось о языке моего мужа Алексея и его родителей, в доме которых я несколько месяцев жила. Ситуативно ограничено и потому менее информативно с языковой точки зрения общение с сестрой мужа, Марией. И наконец, в наименьшей степени мне открыт язык его брата Ивана, который живет в другом городе, и общение с ним носит эпизодический, ситуативно стандартизованный характер. Именно поэтому я отказалась от мысли свести воедино общие черты «языка детей». В тех случаях, когда то или иное явление повторяется в речи младших Ф., оно особо отмечается в перечне индивидуальных особенностей соответствующих членов семьи. Кроме того, моя позиция включенного наблюдателя имеет не только бесспорные преимущества, но и некоторые недостатки: она не позволяет, в частности, использовать магнитофон во время неподготовленного разговора или проводить целевое анкетирование.

Таким образом, приводимый ниже материал содержит наблюдения двойского характера. Это, во-первых, отдельные факты языка конкретных людей и комментарий к ним. Во-вторых, это характеристики индивидуальных моделей речевого поведения членов описываемой семьи. Эти характеристики строятся на основании ряда признаков, релевантных для данного участка русско-эмигрантского языкового континуума, таких как:

- степень языковой рефлексии,
- языковая установка,
- наличие / отсутствие русского школьного образования,
- ориентация на употребление авторитетных носителей русского языка / на кодекс правил,
- соотношение устной / письменной сфер речи; роль чтения, образцовая роль книжного языка,
- роль церковнославянского языка,
- эмоциональный строй и характер человека,
- пол,
- социальный статус,
- профессия,
- роль языковой среды (интерференция).

На некоторых из перечисленных признаков хотелось бы коротко остановиться.

Речевое поведение в семье Ф. можно проследить в трех поколениях, старшее из которых принадлежит слою первой эмиграции. Таким образом, исходная языковая ситуация семьи связана с обстоятельствами эмиграции после революции 1917 года.

Важную черту этого поколения составляет тенденция к языковому консерватизму.

Речь эмигрантов существует, как и они сами, в «островной» ситуации по отношению к языковому «материку» — России. В этом отношении она сходна с речью переселенцев, которой свойственна консервация определенного синхронного среза языка (ср. ситуацию немцев Поволжья или старообрядцев в Сибири и Америке и т. п.). Однако для поддержания такого рода консервации необходима соответствующая (консервативная) языковая установка, которая, в свою очередь, как и всякая языковая установка, имеет своим условием активность языковой рефлексии.

Консервативная языковая установка впрямую зависит от ценностной ориентации на дореволюционную (доэмиграционную) Россию. У целого ряда представителей старшего поколения первой эмиграции (выехавших в сознательном возрасте или привезенных маленькими детьми) эта ориентация выражена наиболее ярко и проявляется в убеждении, что норма — это язык России до 1917 года. То, что «на материке» происходило в языке после этой временной отметки, осознается как его порча, точно так же, как весь строй жизни «новой», «коммунистической» России воспринимается как порча России «старой» (ср. Земская 1998, 42).

В то же время носители консервативной установки тщательно охраняют свое русское, в том числе и языковое достояние от воздействия немецкого окружения. Оно тоже осознается как чужое, а жизнь в нем (по крайней мере до определенного времени) — как вынужденная необходимость¹. В отношении немецкого языка здесь могут быть две воз-

¹ Последний всплеск надежды эмигрантов на возрождение дореволюционной России и, следовательно, возвращение приходится, как известно, на годы Второй мировой войны, когда многие русские эмигранты связывали эти надежды с шансами Германии на победу. Эмоциональные последствия несостоявшегося реванша были живы еще и в 1960-е годы. Об эмигрантке С. рассказывали, что однажды она вступила в перепалку в берлинском автобусе и в ответ на реплику типа «Что Вы, собственно, возмущаетесь, Вас сюда вообще не звали» в сердцах выпалила на своем ломаном немецком с сильнейшим русским акцентом: «Warum ich hier? Weil Du Krieg verloren!» [Почему я здесь? Потому что ты войну проиграл!]

можности. Одну из них — минимальное владение — можно наблюдать у эмигрантов, которые по роду своих занятий не нуждаются в активных контактах с немецкой средой (например, у священников или до-мохозяек). Другая возможность — развитие немецкого языка как полноценного дублера русскому языку. Если отвлечься от типа ассилированного эмигранта, который может встретиться в любой волне эмиграции, степень владения немецким языком в целом выше в «старой» эмиграции, чем в «новой».

В обоих случаях именно в консервативно настроенном слое эмигрантов русский язык обнаруживает наибольшую цельность и чистоту в отношении избранной нормы. За ним сохраняется идеологическая и эмоциональная ценность, поэтому в случае ровного параллелизма двух языков употребление русского языка особенно оберегается в церкви и дома. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что для известного слоя эмигрантов консервативная языковая установка является проекцией консервативной идеологической установки².

В наиболее чистом виде консервативная установка присуща тем эмигрантам, которые выехали из России в сознательном возрасте. Их языковые навыки к этому моменту в целом сформировались, поэтому норма ощущалась ими как естественная данность, а не как искомое. Ярким примером такого рода языкового поведения для меня стал о. Сергей Положенский (1896, Царское Село — 1992, Берлин). Кажется, в его речь попало одно-единственное окказиональное заимствование из немецкого, а именно *шнельхефт* (искаж. нем. Schnellheft 'папка-

² Показательно, что в эмиграции 1970-х — 1990-х годов такой тип языковой установки отсутствует. Это не значит, что среди эмигрантов этого периода не встретишь человека, чисто говорящего по-русски, но эффективность языкового контроля здесь будет обусловлена не идеологическими привязанностями, а, например, особым вниманием к языку у представителей гуманитарных профессий. Ср. мнение М. А. Осиповой в ее недавней рецензии на компендий «Славянские языки»: «У эмигрантов последней волны — в отличие от представителей послереволюционной эмиграции, стоявших на почве русской культуры до 1917 г., — отсутствует установка на сохранение русского языка. Но в то же время ясно, что реальные связи, в том числе языковые, эмигрантов последней волны с Россией будут более тесными, чем это было прежде. Это вытекает из отсутствия необходимости (которая была у эмигрантов, выехавших из России после революции) вести войну на два фронта: за выживание — с национальным языком принимающей страны и за качество своего русского языка — отталкиваясь от коммунистической России» (1996, 162).

скорошиватель'). Такие папки были существенной частью жизни о. Сергея, обладавшего большим домашним архивом, а в русском языке, усвоенном в России, соответствующего слова не нашлось. Отчетливость представлений о. Сергея о норме русского языка проявлялась и в настойчивости, с которой он исправлял других³, и в приверженности дореформенной орфографии⁴.

Однако уже для тех, кто был вывезен из России детьми и чьи языковые способности эмиграция застала в процессе формирования, проблема выбора нормы существовала. Ориентиром становится речь эмигрантского круга. Довольно однородная в социальном и культурном отношении, эта среда не давала существенной вариативности употребления. Там же, где вариативность была (например, между чертами московского и петербургского произношения), она сглаживалась, подчиняясь «островной» психологии: различия, существенные «на материке», теряют смысл в экстремальных условиях жизни «на острове».

Разрешение сомнений, в том числе и таких, которые возникали при столкновении с вариативностью, приносит ориентация на авторитетных носителей русского языка. Как правило, это прежде всего родители. Направление языковой коррекции в эмигрантской среде (узус социума поверяется узусом семьи) в целом оказывается противоположным по отношению к направлению ее в естественной языковой среде (узус семьи поверяется узусом социума)⁵.

³ Запомнилось, что одну эмигрантку он исправил, когда та сказала *платит* вместо *платят*. Меня о. Сергей не раз уличал в неправильном произношении слова *виды* (И.-В. мн.); место ударения в этой форме зависит, как он пояснял, от значения слова: *виды* 'намерения' (у нее на него виды), 'разновидность', но *виды* 'открытка с видом города, ландшафта и под.'

⁴ Почти слепой в последние годы жизни, о. Сергей не мог больше вести свою обширную переписку, и я писала для него под dictовку. Хотя он прекрасно понимал, что я привыкла писать «по-новому», мысль о том, что от него будут исходить тексты, *так написанные*, была для него невыносима, и мне пришлось привыкнуть писать по старой орфографии.

⁵ Такова, как представляется, основная тенденция. Разумеется, и в естественной языковой среде может случиться, что узус семьи оказывается более влиятельным, чем языковые привычки общества за ее пределами. Это характерно, в частности, для семей определенного слоя интеллигенции, для которой важно сохранение традиционной языковой культуры. Однако и этот слой не становится «внутренней эмиграцией»: за пределами определенного набора языковых черт речь этих людей питается живой речью российского общества.

На уровне семьи различия в речи старшего поколения (прежде всего социолингвистического характера) в восприятии более младших также сглаживались. Без необходимых пояснений невозможно понять, например, что именно не следует усваивать из речи няни крестьянского происхождения с чертами диалекта и городского просторечия в языке. Норма для выраставших в Германии эмигрантских детей не существует как набор определенных правил и предписаний, но есть конкретный узус авторитетных носителей языка. Нет четких границ между различными сферами языка, точнее, релевантность этих границ подчинена релевантности авторитетного узуса. Ряд диалектизмов и просторечных слов могут таким образом оставаться в пределах нормы (хотя даже и осознаваться при этом как «более простые»), потому что важнее оказывается, что «так говорила няня» или «так говорила мама», значит, «так говорили в России».

Эффективность действия консервативной установки, как и вообще ее появление, зависит от степени языковой рефлексии. Этот параметр в равной степени важен для языка эмигрантов всех волн и поколений. Однако в той степени, насколько можно говорить о характерности консервативной языковой установки для старшего поколения первой эмиграции, настолько можно говорить и о тенденции в этом слое к более высокой степени языковой рефлексии.

Ослабленность языкового самоконтроля усиливает проницаемость русского языка говорящего для элементов языка окружения. Напротив, сознательный контроль над речью сводит такого рода проницаемость к минимуму. Смешение языков при ослабленной языковой рефлексии, разумеется, можно наблюдать у представителей самых разных слоев и поколений эмиграции. Общим является и то, что склонность к языковому меланжу проявляется скорее у женщин, чем у мужчин. Немецкие отрезки текста могут появляться в случае или познания русского эквивалента (часто с метаязыковым комментарием типа: «Я не знаю, как это будет по-русски»), или большей точности, а также удобства, привычности и под. немецкого слова или выражения⁶.

⁶ Иногда использование немецких вкраплений сопровождается желанием подчеркнуть свое положение «здесьшнего», что проявляется скорее у эмигрантов последнего времени. Такое смешение языков зачастую сопряжено с двунаправленной негативностью взгляда — на СССР/Россию и на немцев. В обыденном эмигрантском сознании как Россия, так и Германия в целом понимаются как сумма

У потомков «первой» эмиграции, как и у эмигрантов последних десятилетий, очерченный тип языкового консерватизма представлен крайне редко. Продолжая «островную» метафору, можно сказать, что последующие поколения стремятся перестать быть островом, воссоединившись с каким-нибудь материком. Органическое единство идеологии и языка вольно или невольно ослабляется. Среди детей и внуков эмигрантов 1917-го—1920-х годов можно встретить сторонников идеалов дореволюционной России, но свой язык они уже не связывают с этими идеалами столь непосредственно, как это делали их родители. Равным образом и русский язык тех представителей младшего поколения, которые на волне 1968-го года прошли период отталкивания от политических взглядов родителей, не испытал прямого воздействия этого противостояния. Развитие языка родившихся и выросших в Германии потомков первой эмиграции оказывается в большей степени подчинено воздействию других факторов, таких как контакты с русским языком через устное общение или чтение, профессия, восприятие темы «Россия» и т. д.

Процесс усвоения русского языка в эмигрантской семье в целом проходит в условиях ослабленной языковой коррекции. При этом имеется в виду не только редукция возможностей наблюдать и переживать многообразие регистров языка (социальных, стилистических, территориальных и т. д.), но и ослабленность нормативного воздействия семьи. Детей почти не поправляют, им позволяют переходить на немецкий*. И это отнюдь не всегда объясняется недостаточным осознанием того, что в «островных» условиях нормативная роль ближайшего окружения ребенка неизмеримо возрастает, или неспособностью со своей стороны обеспечить эту нормативную роль.

Не раз мне приходилось наблюдать сознательное языковое «понустительство» со стороны родителей разных периодов эмиграции. Одна

* «места обитания» (с его общественным устройством) и «народа». В возникающем при этом образе России положительным зарядом наделяется «народ», в то время как «место обитания» оценивается отрицательно. В этой части эмигранты разных волн едины. В эмиграции последних десятилетий не менее отчетливо заметно действие той же схемы и в отношении Германии, хотя и с противоположными знаками: «место обитания» получает позитивную, а «народ» — негативную оценку. О типологии иноязычных вкраплений в речи русских эмигрантов см., например: Земская 1995, 234—239.

* Это мнение не согласуется с материалами моих наблюдений. См. материалы ч. 1 книги.—*Прим. ред.*

из наиболее типичных мотивировок сводится к мнению: «Хорошо, что хоть так говорит» (вар.: «Начнешь исправлять, он вообще по-русски говорить перестанет»). Другая часто встречающаяся возможность: родители слышат ошибку, но считают данное ошибочное употребление по какой-либо причине приятным, милым и т. д.⁷

Ослабление коррекции поддерживает индивидуализацию языковой деятельности. В пределах одной семьи могут, в частности, существовать несколько различных типов артикуляционной базы. Так, в семье Ф. наряду со стандартным типом у бабушек, отца и матери, существовал тип артикуляционной базы с диалектными элементами — у няни и различающиеся между собой модифицированные типы — у детей: с элементами немецкой артикуляции (в порядке возрастания немецкого акцента) — у Ивана, Марии и Владимира, с ассимилятивным смягчением зубных и шипящих — у Алексея. Лексические неологизмы и окказионализмы допускаются со значительно большей легкостью, чем в естественной языковой среде.

Для тех эмигрантов, у которых русское чтение вошло в привычку, важную нормативную роль играет книжная письменная речь. При этом ее воздействие может быть двояким: с одной стороны, чтение способствует развитию языковой способности, обогащению словаря и т. п.; с другой стороны, именно под воздействием письменной формы языка присущие ей элементы могут закрепляться в устной речи (см. в очерке о форме И. мн. *оне/онѣ*).

Ориентация на индивидуальное употребление, нейтрализация социолингвистических различий, ослабленность коррекции — все эти явления языка эмигрантов во многом связаны с отсутствием у них, как правило, русского школьного образования. В отличие, скажем, от Парижа, в Берлине не сложилось традиции школьного обучения на русском языке. Многочисленные попытки, предпринимающиеся в этом направлении с 1920-х годов по настоящее время, носят неустойчивый характер.

⁷ Так, например, детей в семье Ф. не исправляли, когда они произносили *слус* вместо *слус* (распространенный в детской речи способ избежать зияния), не в последнюю очередь потому, что их отец, Игорь Алексеевич Ф. (см. о нем раздел 2), сам, по собственному его признанию, долго удерживал именно такое произношение, и ему было приятно видеть в детях черты самого себя. Исправление ошибки заботило его меньше, вероятно, потому, что он ожидал от детей повторения своего собственного пути — автокоррекции под воздействием чтения, письменной речи.

Мы говорили о взаимосвязи идеологической и языковой установок в поведении эмигрантов. Частное проявление этой взаимосвязи можно усматривать в восприятии церковнославянского языка в связи с типом религиозности. Преобладающим типом оказывается отношение к церковной сфере как к иератичной, предусматривающей воспроизведение регламентированных действий и текстов и противопоставленной сфере повседневной жизни. Контраст двух сфер может в восприятии верующих (как эмигрантов, так и неэмигрантов) настолько усиливаться, что происходит искусственное разведение церковнославянской и русской языковых стихий. В целом владение церковнославянским языком, по моим наблюдениям, активизирует языковую рефлексию и тем самым способствует более дифференцированному отношению к средствам русского языка в эмигрантских условиях. В то же время церковнославянские языковые элементы, ассоциирующиеся с богослужением, не допускаются в сферу повседневного общения. Игровое (в частности, ироническое) использование церковнославянского языка оказывается невозможным. Исключения из этого правила редки, носят индивидуальный характер и всегда связаны с представлениями о значительной проницаемости границы между церковной и повседневной сферами жизни.

Разговор о критериях оценки индивидуальных речевых моделей привел нас к темам, наиболее существенным для формирования русского языка конкретной семьи. К речевым портретам ее членов я и перехожу.

1. Няня Фима

Евфимия Мартыновна Максимова (ок. 1868, д. Режицы Витебской губернии—1961, Берлин)

Няня в семье Ф. Служила в их доме в Петербурге, а в 1921 г. была вывезена в эмиграцию. Живя в семье Игоря Алексеевича (см. о нем раздел 2), Фима была затем няней его старших детей (см. о них разделы 4, 5 и 6). За время жизни в Берлине Фима усвоила несколько элементарных немецких оборотов. В семье сохранились воспоминания о комических ситуациях, возникавших из-за путаницы у Фимы с немецкими словами. Однажды, например, к бабушке Ольге Робертовне вызвали врача, потому что у нее случился прострел. Врач пришел, и в

дверях его встречает Фима словами: «Ах, г-н доктор, у г-жи Ф. сильнейший бычий понос (Ochsenschieß, искаж. нем. Hexenschiuß ‘прострел’)!»

Сохранилась магнитофонная запись 22-го марта 1958 года: Фима (не зная о том, что ее записывают) рассказывает детям — Ване, Алёше и Муре — одну из своих «сказок»-импровизаций. Насколько можно судить по этому материалу, речь Фимы нельзя квалифицировать как диалектную. Живя с тринадцатилетнего возраста в Петербурге, она, очевидно, в целом усвоила городское произношение. Определяющее воздействие на нее оказывала разговорная речь семьи, в которой она жила. А это была нормативная речь петербургской интеллигенции. Поэтому в речи Фимы доминирует произносительная норма Петербурга второй половины 19 в., т. е., по М. В. Панову, «зелено-желтая» система (см.: Панов 1990).

Некоторые черты родного диалекта Фимы совпадают с литературной нормой петербургской речи этого периода, например, произношение на месте щ [шч'] (щеки).

Отклонениям от литературной нормы в речи Фимы не всегда можно дать однозначную интерпретацию как восходящим к диалекту или городскому просторечию.

Ниже приводится расшифровка упомянутой записи 1958 года. В приводимой расшифровке приняты следующие обозначения:

- 1) имена перед каждой репликой приводятся сокращенно: Ф. (Фима), Н. Вл. (мать участвующих в разговоре детей Наталья Владимировна Ф., см. о ней раздел 3), О. Р. (Ольга Робертовна Ф., бабушка детей, мать Игоря Алексеевича Ф.), В. (Ваня, 10 лет), А. (Алёша, 9 лет), М. (Мура, 7 лет);

- 2) текст передается в обычной графике, транскрибируются только те участки, на которых наблюдается отклонение от современной нормы литературного языка;

- 3) ударение отмечается знаком ' перед соответствующим слогом;

- 4) в угловые скобки заключаются оговорки.

Н. Вл.: Фима, ты можешь нам рассказать сказку, помнишь, как петух куриц спать укладывал?

А.: Расскажи.

Дети вместе: Расскажи.

Н. Вл.: Ну вот мы все ждем.

В. Ну скажи, Фима.

Ф.: Так, так, ку—...

Н. Вл.: Петух куриц спать укладывал.

Ф.: Ну вот, он так укладывал. Ходит, ходит 'по двору: ко-ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко, ко-ко, ко, ко—зовет курочек.

Н. Вл.: Да.

Ф.: Они или то послушают, то опять пройдут мимо. Наконец, он видит, что они не слушают—так-с! какую-нибудь, говорит она: [ку]ть! Kokнет ее. А другая уже боится, чтоб ей не попало, начинает собираться спать. А он догонит ее: Ты что это еще, все еще пута[исс'я] (путаешься) тут? Ах опять ко[к']! ее, [куок']! [на] (она) походит-ходит, ходит-ходит: ко-ко-ко-ко, ко-о-о-е-е, ко-ко-ко-ко, ко-ко, ко, ко. Это уж о[н'е] (оне) спать приготовляются. У них там жердочки такие, палочки в конюшне у бабушки в Гатчине. И вот, одна курочка шесь-вше-ше-ше, полетела на палочку. Уже взлетела и начинает: усаживаться так, поудобней. Потом другая пррх-пррх—туда тоже на палочку. Тоже с[ä]ли (сели). А петух-то все смотрит: Да [ш'то] (что) вы тут не усядишься наконец! Я вас как приду да так всех раскрою! И они это слушают, петушка-то, боятся. Он [j]их (их) начнет клевать, (за сохоло) за хохолок трепать. Ну и наконец все влетели, на жердочку, и сидят: кок-кок[ъ]-как, дремлет. Пырк!—проснулась, во сне что-то увидала. Опять, опять спит, ко-ко-ко...

Н. Вл.: Ты погромче.

Ф.: Ко-кок-кок-кок. Кок! Опять. И другую разбудила. А та: Ты что мне мешаешь? Тырпс! Ее головой. И начнут драться тут на палке. Ну и что ж это такое! Ну, наконец о[н'э]ть (опять) (ле) улягутся полнее так. Сядут и начинают, сидят: ко-о, кок, кок, ака-ка, ко-ко-ко... И во сне что-то увидала: ко-ко-ко-ко! А другая: турпс! Ее. Ну что ты это мне мешаешь спать.

А.: Папа тут петух проснулся.

Ф.: Вот петух-то и проснулся. Ну вы будете ли тут наконец (сп) тихо или нет? Дадите вы мне спать или нет? Да как начнет—то одну клюнет, другую клюнет, третью клюнет. О[н'е] (оне) все взбудоражу[циз] (взбудоражатся). Боятся петуха. Ну потом начинают... [Щас] (сейчас) спать!—петух скажет,—Спать [с"ичас] (сейчас)! О[н'е] (оне) и начинают опять усаживаться: ко[к']-ко-ко-кок-о... Задремала, по-ок-кок!—проснулась что-то, испугалась чего-то. А другая ее кок! Ты что мне меша-

ешь спать? Но наконец о[п'иэ]ть⁸ (опять) ложатся, о[п'а]ть⁹ (опять). Ко-кок—...

Н. Вл.: И заснут.

Ф.: Задремали. Хо-ко-ко-ко-кок... Кок! Опять что-то. Кокнула. А та опять рассердилась: Да ты что, будешь ли молчать или нет? Тукс! ее носом, и пошла у них тут перепалка. И вот о[н'e] (оне) тут дерутся-дерутся, зна[ч'i] (значит), и наконец начинают засыпать, засыпать. Петушок тоже заснет. И все спят курочки.

А.: Всё, да?

Ф.: Спят, спят, спят, уж пора просыпаться. Начинают: ко-ко-ко-ко-ко — одна проснулась, ко-ко-ко-ко-ко — другая. Ко-ко-ко-ко-ко-ко — все просыпаются потихоньку. Петушок уж начинает петь. Поет песенку: ку-ку-р'ии-к'ууу! Ну и вот, поет-поет там, принесут [j]им (им) кушать... [Ш'tо] (что) ты, Оля?

А.: Фима, теперь расскажи про эту, как это называется...

Н. Вл.: Про Варю девочку.

А.: Варю девочку.

Ф.: «Варя девочка большая»?

А.: Ну расскажи.

Ф.: «Что ты грязная такая?» —

Мама Варе говорит.

«Посмотри ты, что за стыд...»

А.: Погромче.

Ф.: «Точно чушка неопрятна:

[Шч'o]ки (щеки), платье — всюду пятна».

Н. Вл.: Ну?

А.: Погромче, Фима.

Ф.: Да на ['ты] (тот) конченко. Всюду пятна у нее. Ха!

О. Р.: «Здравствуй, Мания...», как это было там? «Здравствуй, Варя...»

М.: «Здравствуй, Мания».

Ф.: Что?

А.: Как-то «Здравствуй, Мания» или «Варя».

Ф.: Здравствуй, Манечка.

⁸ Слово занимает центральное положение в такте, эмфатическое удлинение сильнее обнаруживает дифтонгoidность гласного.

⁹ В данном случае слово опять оказывается в затақтовой позиции, что влияет на качество гласного — он произносится как сравнительно краткий монофтонг.

Н. Вл.: Здравствуй, Варя.

А.: Нет, нет.

Ф.: «Вот букет?»

А.: Да!

О. Р.: Здравствуй, Катя. Это (нрзб.).

Ф.: «Здравствуй, Маня».

А.: Ну?

Ф.: «Много счастья желаю,

Букет ей предлагаю.

Вот букет, а пирожок

Мама испекла сама,

Кушай же ты, мой дружок,

Потом давай играть в дома.»

Вот такой, коротень[къ]й (*коротенький*). Да.

М.: Фима, расскажи дальше, как... как у вас там а... э... курицы с собаками эти...

Ф.: Курочка [дър]ала[с] (*дралась*) с собаками?

М.: Да.

А.: (нрзб.) это люблю.

Ф.: А что курочка?

М.: [С]то-нибудь (*что-нибудь*) (нрзб.)

Ф.: Курочка? Курочка летает себе (нрзб.) туда (нрзб.).

А.: Фима, а помнишь, как ты вот там рассказывала, что к тебе там мужик где-то ехал, и через лес, и там были вол[к'и]!!

Ф.: Ой! Ой, как страшно!

М.: Фима!¹⁰

Ф.: А?

М.: Фима, расскажи знаешь что?

Ф.: Что?

М.: Как... как на тебя вдруг [иъ]пали (*напали*) в лесу ка[б'a]ны.

Ф.: Ой!

М.: С тобой был этот, знаешь...

А.: [Тэ]лька (*Телька*).

Ф.: [Гэ]лька.

М.: Да, расскажи это.

¹⁰ Обращение произнесено с немецкой звательной интонацией с повышением тона в ударной части, см. о ней подробнее в разделе 3.

Ф.: Ай как страшно! Уж я и сейчас боюсь.

В.: Ты пошла к сапожнику.

Ф.: Да, да, я пошла к сапожнику, вечером.

М.: Утром!

Дети вместе: Утром!

Ф.: Нет, вечером.

В.: А пришла домой вечером.

Ф.: Ах! Вот, вот, вот. Пошла к сапожнику, понесла сапоги в починку. На и через лес ['т'о]мно¹¹ (*темно*) так! Это я туда шла — было ['свет]-ло (*светло*), а уж оттудова-то тем['но] (*темно*). И смотрю кабан идет. А ой-ой-ой как я испугалась!

М.: Оля, а с тобой был этот [Тэjj]ка (*Телька*).

Ф.: Телька был, да. Телька-то начал на ка['ба]на (*кабана*) лаять. Лает на него, а кабан-то прыгает тот, на Тельку прыгает, а Телька на ка['ба]на. Вот. А Телька меня заграждает, не дает, чтоб меня кабан-то съел.

В.: Потом ты встретила какого-то человека.

Ф.: Да, и [та'да] (*тогда*) что?

В.: И он тебя привел домой.

Ф.: Ах вот!

М.: Фима, дальше!

Ф.: Вот иду-иду, иду-иду, потом я говорю: я заблудилась. Дорогу потеряла, не знаю, как попасть домой. Он [га'ит] (*говорит*): Вот я доведу до этой дорожки. Вот до этой дорожки доведу, [та'да] (*тогда*) ты пойдешь, говорит, и тогда найдешь дорогу, к своему дому, и найдешь. Вот я и пошла. Иду, иду, иду. Телька все со мной. Побежит заяц — Телька за зайцем! За зайцем бежит, думает, догонит его и хватит его зубами. А зайчик-то ведь прыткий такой, он скачет-скачет там дальше. А Телька-то за ним скачет. Ну а потом и домой придем. О-о как обрадовался Телька — домой пришел. Есть захотел, я сму есть дала [*с'ейчас*]. Супу там дала, костей там разных с мясом.

А.: Фима!¹² Фима, а то там еще была там эта [бъл']шая (*большал*) собака Бокс.

Ф.: Да, Бокс. Это страшный, этот — караульщик дома. Он караулил дом. Как [т'окъ] (только) кто идет, он: гоў-гоў-гоў-гоў! начнет лаять, так все испугаются. Уж воришка не заберется, нет. Он его начнет...

¹¹ Интонация ИК—7 с эмфатическим удлинением ударного гласного.

¹² Немецкая звательная интонация, как и у Муры, ср. примеч. 10.

В.: А потом вы его про[да]ли (*продали*).

Ф.: Да, ['од]дали (*отдали*) в деревню, потому что мы уехали. Потому что мы уехали. ['а ш'то] (*а что*), бабушка слушает, да?

А.: Да.

Ф.: Ну вот. Мы его и продали, Аде, Адя продала его.

М.: Фима!¹³

Ф.: Да?

М.: Расскажи, как... как ты их кормила.

Ф.: [ш'то-к] (*что*)?

М.: Как ты собак кормила.

Ф.: Собак кормила? Ну вот навалю им там всякой всячины и принесу в чашку, налью. Они едят, едят, так с удовольствием. Наедятся и потом идут гуляют. Гуляют...

М.: Нет, потом спать идут.

Ф.: Погуляют, а потом спать, спать ложатся.

М.: И ты, и ты.

Ф.: И спят. Спят, спят, а как кто-нибудь идет, так [шиш'ас] (*сейчас*): ва-ва-ва-ва-ва-й начинают лаять. Испугают этих, кто идет. Если хороший человек — ничего.

В.: Фима!

Ф.: Да?

В.: *(прзб.)*, что довольно.

Ф.: Довольно, да.

Черты непр规范ивной речи

Произношение *č как [č] в корне под ударением перед мягким согласным в *сели*;

произношение слова *спать*;

произношение слова *что*;

шепелявое начальное [c'] в *сейчас* (варьирует с [шиш']);

корреляция [t'о]мно (варьирует с нормативным тем[n'o]) — [св"е]тло;

гласный призвук в сочетании [дър] (*дралась*);

форма Им. ж.р. мн. [ан"е] *они* (варьирует с формой *они*);

начальная йотация в формах косвенных падежей личного местоимения 3 л. мн.ч.: [j]им, [j]их (*им, их*);

¹³ То же.

произношение слова значит без конечного [т];

на [ты] на том;

страший (страшный) — бессуффиксальное образование от слова *страх*, параллельное к *страшный*; в словарях не фиксируется, мне встретились только усилительные формы этого слова *страшищий*, *страшущий* (наряду со *страшущий*), *страшенный*;

сейчас 'сразу';

сохранение акцентной парадигмы *a*, т. е. наосновное ударение во всех словоформах (Зализняк 1985, 15—19)¹⁴ (И. п. ка'бан, Р. п. ка'бана, И. мн. ка'баны¹⁵);

[шш'ас] *сейчас* (варьирует с диалектным шепелявым [с"], см. выше);

[га'ит] *говорит*;

[тад'a] *тогда*;

пута[исс'i] *путаешься*;

2. Игорь Алексеевич

Игорь Алексеевич Ф., род. в 1917 г. в С.-Петербурге

С четырехлетнего возраста живет в Германии, в Берлине, куда в начале 1920-х годов выехали из Петербурга его мать Ольга Робертовна с детьми и няней. Легальный выезд в эмиграцию был возможен благодаря тому, что мать И. А., полунемка (по отцу), сохранила немецкое подданство. Следует, однако, отметить, что своим родным языком она считала русский, который и остался языком семьи после переселения в Германию. На формирование языка сыновей немецкое происхождение не оказывало уже практически никакого влияния. И. А. учился в немецкой начальной школе, затем в реальном училище. Около десяти лет своей жизни провел в немецкой армии. После войны работал служащим на координационном военно-транспортном пункте в английском секторе Западного Берлина.

Обладает развитой языковой рефлексией.

¹⁴ Об эволюции слов исторической акцентной парадигмы *a*, в частности, слова *кабан* в направлении нетривиального (флексионного или подвижного) ударения во мн. ч. см.: Зализняк 1985, 376.

¹⁵ Форма И. мн.ч., релевантная для определения акцентного типа данного слова, зафиксирована в приведенной записи в речи Муры, однако можно полагать, что эта форма усвоена под воздействием речи Фимы.

Говорить, читать и писать по-русски научился дома от матери и самостоятельно. Много читает по-русски и по-немецки. Русское чтение составляет классика, духовная литература, религиозные журналы. Время от времени читает русские газеты, выходящие за границей.

Ведет переписку семьи. Пишет по новой орфографии, хотя владеет и дореформенной, старой. Записи в семейных фотоальбомах ведет по-русски; в альбоме, посвященном времени службы в армии по время Второй Мировой войны, эти записи имеют характер подробного хронологического комментария. Личные записи-планы на каждый день, как и личный архив предпочитает вести по-немецки.

В семье большую роль играло пение. Начало этой традиции положила мать И. А. Ольга Робертовна, профессиональная пианистка и певица. Впоследствии звучание русской песни в доме поддерживал в первую очередь И. А., обладавший хорошим баритоном. Основу репертуара домашнего хора составляли русские народные песни, романсы. В доме было много пластинок. С появлением магнитофона И. А. составляла антологию любимых песен.

Церковнославянской грамотой овладел самостоятельно по учебникам. И. А. активно участвовал в религиозной жизни русского православного прихода в Берлине и считает важным понимание текстов обихода. В отдельные периоды он, как и его жена, пели в церковном хоре. Целый ряд текстов для нужд прихода и по личным просьбам православных немцев переводил с церковнославянского на немецкий.

Внутренней дисциплине языка И. А., который любит порядок и логичность, способствовали переводы с русского на немецкий и с немецкого на русский. Переводил несколько стихотворений русских поэтов, популярную колядку «Небо и земля...» и немецкие народные песни.

В целом можно сказать, что в языке И. А. достигнуто равновесие немецкой и русской стихий. Функционально русский и немецкий дублируют друг друга, между ними нет жесткого распределения по сферам употребления (хотя сохраняются предпочтения), т. е. в актуальном для И. А. круге тем нет такой сферы, в которой бы для него был возможен только один из двух языков, но в каждой ситуации принципиально допустимы оба языка. В речи он никогда не смешивает их.

Интерференция двух языков сведена в речи И. А. к минимуму. Случай грамматической и лексической интерференции немногочисленны и комментируются ниже.

Жену и детей И. А. предпочитает не исправлять в языке. Чистота и правильность языка (будь то русский или немецкий), за которой он тщательно следит в своей собственной речи, представляется ему необязательной в речи домашних. «Мне это не мешает», — говорит он.

Фонетика

щ = [ш'ч'] *еще, в общем* — черта петербургского произношения второй половины прошлого-начала нашего века; была усвоена детьми И. А.;

в сущности в сущности с полумягким [ш] — черта петербургского произношения; в современном языке осознается как неправильное (Аванесов 1983, 569);

[т']яжелый (почти [ч]яжелый) — черта диалектного произношения, усвоенная, вероятно, от Фимы, если это не результат известной деформации артикуляционной базы в условиях ослабленной языковой коррекции — так сказать, воспроизведение смягчения зубных в специфических условиях функционирования русского языка.

Ударение и интонация

'отчасти (вместо от'части);

'звуком (вместо зво'нит).

В такой подверженной разрушению области, как интонация, И. А. оказался в защищенной позиции благодаря усвоенной им общей содержаний ровности тона в общении. Типичный для него интонационный контур — интонация повествовательного предложения типа русской ИК—1. В вопросительных предложениях, в позиции конца синтагмы повышение тона слабо выражены. Эмоционально окрашенные контуры в его речи редки и сопряжены с состоянием сильного эмоционального возбуждения. Но и в таких случаях речь идет о контурах с понижением тона, добавляется лишь эмфатическое усиление (типа русского ИК—2).

Грамматика

о'не / они И. мн. всех родов (они) — исторически форма с [е] (ѣ) во флексии связана с говорами Ростово-Сузdalской земли и ее колоний

и «в книжных текстах долго сохранялась со специализированным значением женского рода» (Горшкова, Хабургаев 1981, 258). Имевшее нормативную ценность вплоть до реформы 1918 года руководство Я. К. Грота предписывает написание *онѣ* в форме И. мн. ж. личного местоимения 3-его л. (Грот 1890, 67). Форму *оне* И. А. слышал от няни Фимы, варьировавшей *оне / они*, по крайней мере, в ж.р. (см. раздел 1); вариация эта объясняется, по всей вероятности, колебанием между, соответственно, диалектной и литературной формами И. мн. ж. Кроме того, форма *оне* встречалась И. А. в книгах, набранных в старой орфографии. Вариация форм в речи информанта может объясняться тем, что грамматические (ж.р. / не-ж.р.) и социолингвистические (диалект / литературный язык) мотивы их распределения остались не осознанными¹⁶ и потому были восприняты как варианты с некоторым предпочтением форме *оне* (возможно, как более архаичной и более соответствующей образу «старой» России, чем *они*, воспринимаемой как присущей речи новых эмигрантов из Советской России), ср. разделы 4—6;

волос'а И. мн. (волосы) — в современном языке осознается как не-нормативное (см., например: СРАС 1987, 43);

свистать (свистеть).

Лексика

огромадный (огромный) — просторечное слово, усвоенное, по всей вероятности, от Фимы;

расширенная сфера употребления глагола *иметь* — расширение происходит под воздействием нем. глагола *haben*; характерно для речи семьи в целом;

расширенная сфера употребления глагола *получить* — расширение происходит под воздействием нем. глагола *bekommen*, формирующего в немецком языке продуктивную модель *bekommen + Subst.* Сочетания типа *получили место* (на автостоянке) или *получили билет* (на представление) вместо, соответственно, мы *нашли место/нам удалось найти место* или мы *купили билет/нам удалось купить билет* характерны для речи семьи в целом;

¹⁶ На вопрос о грамматическом значении формы *оне* И. И. ответил, что точно не знает, но, кажется, она используется в женском роде.

держать доклад, лекцию — калька с нем. einen Vortrag, eine Vorlesung halten;

в/по телевизору (по телевизору) — неологизм в языке эмигрантов, созданный для обозначения телевизоров, появившихся в 50-е годы, в русском языке родителей соответствующего слова не было; регулярно слышит от знакомых, приехавших из СССР и современной России, сочетание *по телевизору*, однако не стремится исправить привычное употребление, т. к. современный стандарт не имеет для него нормативной ценности;

картина хорошая (о телевизионном изображении) — калька с нем. Bild формирует новое значение слова *картина* — ‘телевизионное изображение’, и лексическая лакуна заполняется;

пестрые картинки (цветные картинки) — русская сочетаемость здесь более дифференцированна, употребление каждого из двух прилагательных выдвигает на передний план различные компоненты смысла; однако в употреблении информанта эта дифференцированность нивелируется, возможно, под воздействием нем. bunt ‘цветной, пестрый’;

модный в значении ‘современный’ — использует в соответствии с двумя немецкими словами: *modern* ‘современный’ и *modisch* ‘модный’; слова *современный* не употребляет;

из пластики (из пластмассы, пластмассовый) — калька с нем. aus Plastik; соответствующее русское слово неизвестно, потому что появилось в русском языке сравнительно недавно. Сочетание *из пластики* характерно для речи всей семьи в целом.

кушать (есть) — глагол есть И. А. не употребляет, однако использует параллельно слова *обедать* и *ужинать* (например, в сочетании с глаголом *идти*). В старшем узусе определенного социального слоя есть считается грубой формой. См. об этом подробнее выше, гл. IV 1-й части. В современном литературном языке употребление глагола кушать си туативно ограничено и употребляется, согласно словарю Ожегова—Шведовой, «при вежливом приглашении других к еде» (Ожегов—Шведова 1992, 324); в других ситуациях употребление этого слова может восприниматься как неправильное (просторечное, жеманное или зачастую недифференцированно негативно);

кушанье (еда; блюдо) — Мама подала кушанье на стол; Это что за кушанье такое? Ср. синонимический ряд к слову *кушанье* у Даля: «Кушанье, яство, снедь, блюдо, ежа, еда» (Даль ТС, 2, 229);

в половине сентября (в середине сентября) — старший узус, ср. в употреблении В. Ключевского: «Около половины 15 в. подвизался в основанном им монастыре инок Пафнутий Боровский» (Ключевский 1957, 25);

говорил стихи (вместо *читал стихи* о чтении стихов наизусть);

рожденье (день рождения) — *У него вчера было рожденье*. Усвоено всеми детьми И. А. В современном разговорном языке образованного общества сохраняется как черта семейного узуса;

уборная (туалет, сортир, отхожее место) — используется в семье в качестве единственного обозначения помещения для отправления естественных надобностей. В современном литературном языке в этом значении используются как *уборная*, так и *туалет*. Последнее слово члены семьи Ф. знали 1) в значении 'предметы одежды, убор' и 2) как существительное по глаголу *убираться* 'приводить себя в порядок' (сочетание *туалет* и под.). Ср. характеристику в словаре Даля: «*Уборная* ж. комната, в коей одеваются, убираются, наряжаются, моются, притираются и пр.» (Даль ТС, 4, 458)

3. Наталья Владимировна

Наталья Владимировна Ф., род. в 1922 году в г. Велика Кикинда (Сербия).

Родители Н. В. выехали из России ок. 1920 г. через Крым. Отец умер от воспаления легких, и Н. В. не помнит его. Училась один год в русской школе в Белграде, затем в сербской начальной школе и гимназии. По рассказам Н. В., ее отчим М. Скулич (из обрусевших сербов), который был учителем физики и математики в сербской гимназии, строго запрещал детям смешивать в речи русский и сербский языки.

С 1941 г. живет в Берлине, куда семья приехала на заработки. После замужества не работала.

Хорошее знание сербского языка сохраняла благодаря общению с сербами и хорватами, которым помогала устроиться в Берлине; читает по-сербски Библию, церковные журналы.

Разговорный немецкий язык Н. В. освоила в той степени, которая необходима для повседневного бытового общения. Литературно-письменный немецкий язык для нее труден. На немецком языке посиль-

ным чтением оказываются разделы светской хроники в немецкой бульварной прессе, журналы по хозяйству и кулинарии и под.

Круг русского чтения составляет, главным образом, духовная литература (русская Библия, биографии и мемуары деятелей русской церкви, церковные журналы на русском языке и др.).

Пишет неохотно. Использует дореформенную орфографию.

В фонетике Н. В. выделяются отдельные черты старшей произносительной нормы, но акцент отсутствует. Интерференция с немецким языком наблюдается сильнее всего в лексике (в форме немецких вставок в русскую речь), причем, главным образом, в сфере субстантивных номинаций (названия продуктов и изделий, болезней, реалий бытовой и общественной жизни), а также в интонации. Языковая рефлексия не развита. Чувство русской языковой нормы ослаблено: Н. В. не слышит акцента и ошибок в речи своих детей; хорошо говорящих по-русски иностранцев может принять за русских. Ее собственная речь сильно изменяется, если включается механизм контроля (например, в разговоре с русскими, не владеющими немецким языком): темп речи замедляется, интонация несколько выравнивается, слышно меньше немецких слов и выражений. В то же время обнаруживается нехватка русской лексики, в частности, для обозначения бытовых и общих реалий.

Фонетика

коне[ч]но — черта петербургского произношения, воспринятая от мужа (см. раздел 2) и некоторых других эмигрантов старшего поколения; 'коф]э — произношение с [ф] принадлежит старшой норме, в то время как в современном русском языке принято произношение с [φ'] (Аванесов 1983, 224)¹⁷.

Ударение и интонация

- 'звонит (вместо зво'нит);
- 'начала (вместо нача'ла);

¹⁷ Комментируя тенденцию к твердому произношению согласных в заимствованиях, О. А. Лаптева критически оценивает арханизирующее произношение А. И. Солженицыным слова *кофе* с твердым [ф]: «Так говорили до революции, в словаре же стоит помета *неправильно!*» (Лаптева 1998, 62).

интонация конца синтагмы (ИК—3, ИК—7) — Н. Вл. говорит много, быстро, не всегда внятно. Двигатель речи — эмоция при ослабленном рациональном контроле. Обычно женская речь такого типа строится на интонационных контурах с разнообразными повышениями тона. Не зная в русской интонации типа ИК—3 или ИК—7, говорящая, как правило, пользуется немецкими аналогами, например, интонацией конца синтагмы с повышением тона на ударном слоге, понижением и новым повышением на заударной части;

интонация оклика по имени (ИК—3, ИК—2) — вместо контура с повышением тона на ударном слоге и понижением в заударной части (ИК—3) или контура с эмфатическим понижением тона на ударном слоге (ИК—2) используется немецкая интонация оклика, отличающейся от русской «звательной» ИК—3 добавлением финального повышения тона в заударной части.

Таким образом, можно отметить, что заимствуются контуры с повышением тона, обслуживающие функциональную сферу русской ИК—3, в особенности частотной в эмоциональной и женской речи. Близость ИК—3 и названных немецких аналогов в основной части контура (повышение на ударной части и понижение в заударной) создает условия для интерференции этих конструкций. В условиях высокой частотности данных контуров в немецкой речи окружения и ослабленной коррекции «побеждает» немецкая интонация, отличающаяся финальным повышением тона в заударной части. На этом участке интонационной системы акцент в речи русских эмигрантов появляется, по моим наблюдениям, быстрее всего.

Грамматика

они И. мн. всех родов — в отличие от мужа, Н. В. употребляет только форму *они* и никогда *оне*; при этом она убеждена, что так же говорит и ее муж (ср. раздел 2) и не слышит, что трое старших ее детей не пользуют исключительно форму *оне* (см. разделы 4—6);

ролль ж.р.—*Всі ролль дрожала;*

соуса И.-В. мн. (соусы);

в отпуску (в отпуске).

Лексика

на левую сторону (*наизнанку*) — используется значительно чаще, чем *наизнанку*. Насколько Н. Вл. может припомнить, выражение *на левую*

сторону она знает еще от своей мамы («Мы и в Сербии так говорили: *Что ты платье надела на левую сторону?*»). Аналогичного немецкого круга выражений (*auf der linken Seite* ‘на изнаночной стороне’, *von der linken Seite* ‘с изнанки’, *links* ‘наизнанку’). Н. Вл., по ее словам, не знала. Речь идет, по всей вероятности, не о стихийной окказиональной кальке, а об архаизме, ср.: в словаре Даля значение ‘ничка, изнанка’ указывается для слова *левизна* (Даль ТС, 2, 277). С приведенными немецкими соответствиями данное выражение составляет скорее всего параллельные результаты развития древней семантики левизны в паре «левый / правый»;

за большим/маленьким (по-большому/по-маленькому, выражение детской речи об отправлении естественной надобности);

термины родства *Schwiegermutter* (теща, свекровь), *Schwiegervater* (тесь, свекор), *Schwieger Tochter* (невестка), *Schwiegersohn* (зять) — немецкие термины со стандартным элементом *Schwieger-*, выражающим косвенное родство, используются для экономии усилий в аллегровой обиходной речи;

он делал Studium — в речь включается частичный перевод с немецкого выражения *ein Studium machen*. Такого рода перевод-калькирование особенно часто используется для выражений с глаголом *machen* ‘делать’. Значение этого глагола грамматикализуется, так что он превращается в своего рода коэффициент глагольности, в то время как лексическое значение словосочетания (собственно название процесса или действия) целиком переносится на второй элемент словосочетания. Чаще всего это существительное, как в приведенном примере, но может быть и инфинитив глагола, например, *он делал peizen* (он ябедничал). Характерно для речи Натальи Владимировны и Муры (о ней см. раздел 6);

ее фризёра — одно из передних в речи Н. Вл. гибридных образований, в данном случае на основе нем. *Friseurin* ‘женщина-парикмахер’ и русского форманта *-ша*, который может использоваться для образования слов женского рода, обозначающих профессию или род деятельности, ср. разг. *парикмахерша*;

по Fernseher (по телевизору) — для обозначения реалии, возникшей в эмигрантский период, употребляет немецкое слово (в 1950-е годы, когда появились телевизоры, Н. В. уже жила в Германии), в отличие, например, от своего мужа И. А., который предпочитает русский неологизм эмигрантской речи *по / в телевизии* (см. выше);

'омнибус (автобус);

взять омнибус (сесть на автобус) — калька, соответственно, с нем. устар. *Omnibus* и *einen Bus nehmen*;

Ой, я вчера должна была смеяться! — калька с нем. *Ich mußte lachen* ('мне было смешно');

Он не смеет есть мороженое (Ему нельзя (есть) мороженое);

Кусочек не смеет падать на дно стакана (не должен падать на дно стакана) — расширение сферы употребления глагола (*не*) *сметь* под воздействием немецкого модального глагола *dürfen* (*nicht*) в негативной реализации;

я нахожу, что... (я думаю, полагаю, считаю, что...) — расширение сферы употребления этого выражения интеллектуальной оценки происходит в результате реактивации старой кальки с немецкого *ich finde, daß...* Следует отметить, что эта черта лексической интерференции принадлежит к числу наиболее «заразительных» и характерна в целом для речи русских в Германии. Лексический акцент при употреблении *я нахожу, что...* наиболее очевиден в речи молодого поколения, которое не знает/не чувствует высокой стилистической отмеченности этого выражения в современном русском языке;

мыть белье (стирать белье) — в языке XIX — начала XX века *мыть* и *стифать* варьировали. В качестве синонимов они приводятся у Даля в статье, посвященной глаголу *мыть*: «Стирать, мыть белье свое» (Даль ТС, 3, 366)¹⁸. Образцом вариативного употребления может служить, например, один пассаж из статьи выдающегося этнографа и филолога Д. К. Зеленина «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-культурный очерк)», изданной впервые в 1904 г., где сочетания *мыть белье* и *стифать белье* употреблены в метатексте как синонимы (Зеленин 1994, 68);

кушать (есть) — общая черта с языком Игоря Алексеевича Ф., см. выше;

'ледник (холодильник);

пуловер (свитер) — нем. *der Pullover* 'свитер'; реалия сравнительно новая, и заполнение лексической лакуны происходит с помощью за-

¹⁸ Может быть, что сочетание со *стифать* предпочтительно, поэтому Даляр помешает его на первом месте. Если это так, то тенденция, наметившаяся в эпоху составления словаря, привела впоследствии к эволюции сочетания со *стифать* в сторону нормативности.

имствования из немецкого, ср. выше в отношении сочетания 'по телевизору';

снег'урф (снеговик) — в словаре Даля уменьшительно-ласкательная форма *снегурка* приводится в ряду вариантов (областных?) к основному обозначению *снеговик*: «*Снегжник и снегурка, складенный из снега болван, подобие человека, снеговик, снегурка*» (Даль ТС, 4, 250). Слово *снегурка*, очевидно, использовалось как в диалектах (и поэтому приводится здесь как толкуемое областное слово), так и в литературном языке (и поэтому фигурирует также в метаязыковой части). В современном русском языке *снегурка* осмысляется как вариант к *снегурочка* 'сказочная снежная девушка, тающая под весенними лучами солнца' (Ожегов—Шведова 1992, 763);

у девочки волоски крутятся (волосики вьются, курчавятся) — окказиональная лексическая сочетаемость;

во'лоски (волосики, уменьш.-ласк. к 'волосы') — В словаре Ожегова—Шведовой это слово отсутствует. В БАС оно сопровождается пометой «разговорное» (БАС², 426). В художественных текстах XIX—нач. XX вв. слово *волоски* может использоваться как черта поместно-дворянского просторечия. У И. А. Гончарова в «Обыкновенной истории», когда Александр Адуев возвращается из Петербурга в деревню, лейтмотивом причитаний его матери становится фраза: «Где же твои *волоски*? Как шелк были». Ср.: сходную форму *коски* (косички) А. Ремизов использует в сказках сборника «Посолонь» для стилизации народной речи: Кострома расплетает у девочек *коски* («Кострома»);

пожалуйста (переспрос типа: *Что? / Как? / Простите, что Вы сказали? / Как ты (Вы) сказал (-и)? / Извини(-те), я не рассыпалася*) — калька с нем. *bitte*, произносимого в этой ситуации с вопросительной интонацией;

под ни'зом (низом, по подземному переходу);

так же 'само (так же, точно так же);

аэроплан (самолёт).

4. Ваня

Иван Игоревич Ф., род. в 1948 году в Берлине.

Незадолго до школы родители отдали его на несколько месяцев в детский сад, чтобы он научился немецкому языку. До этого воспиты-

вался дома. Детьми в семье занимались, главным образом, бабушки и няня, и их языковое воздействие на старших детей (Ваню, Алешу и Муру) было, можно полагать, сильнее, чем со стороны родителей.

В дошкольном возрасте И. И. владел немецким на элементарном уровне, достаточном для общения с дочерью немецких знакомых, однако объясниться с детским врачом было трудно. Родным языком считает русский. Будучи уже взрослым человеком, в одной из анкет на вопрос об иностранных языках, которыми он владеет, написал, что первым иностранным языком в его жизни был немецкий.

Учился в немецкой школе, а затем в университете на медицинском факультете (специальность: хирург по сосудам). Почти сразу по окончании учебы уехал работать сначала в Ганновер, а затем в Дортмунд, где и живет сейчас. В течение целого ряда лет русское общение ограничивалось кратковременными визитами в Берлин, где можно было поговорить с родителями и русскими знакомыми. Общение с братьями, сестрой, коллегами и друзьями проходило на немецком языке.

Ситуация меняется с конца 80-х годов, когда круг русского общения расширяется. В особенности значимым оказывается то, что в больнице, где работает И. И., появляются русские коллеги — медсестры и врачи из числа новых эмигрантов из России. Кроме того, брат Алексей женится на москвичке, и в семье, кроме родителей, появляется русский собеседник.

Русская речь И. И. по сравнению с его немецкой речью несколько замедлена, заметна сдержанность — по-немецки он говорит многословнее и живее. В этом заметно отличие его стратегии от стратегии брата и сестры в ситуации недостатка русских слов. Если они предпочтут немецкую вставку или кальку, то он скорее как-нибудь обойдет трудное место или просто промолчит. В семье по-русски говорят с родителями и со мной. В общении с братьями и сестрой с детства (начиная со школы) принят немецкий язык. В области специальной терминологии много усвоил от новых русских коллег. С семьей одного из них дружен, со своим крестником из этой семьи — мальчиком семи лет — говорит по-русски. Язык общения с двуязычной племянницей не устоялся. Шутит по-немецки.

В семейном фоноархиве есть запись старших детей Ф., сделанная 24-го марта 1958-го года. Девятилетний Ваня читает здесь стихотворение Ф. Туманского «Птичка». В приводимой расшифровке инициалы «И. А.» обозначают ведущего записи — Игоря Алексеевича Ф., а ини-

циал «В.» — Ваню. Транскрипционный знак [г] соответствует вибранту с ослабленной артикуляцией кончика языка, комментируемому ниже:

И. А.: Воскресенье, двадцать третьего марта тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Будут говорить стихотворения: Вания.

В.: «Пти[ч”]ка (*птичка*)», стихотворение Туманского.

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей,
Я [г]о[ш'ч']ам (*роцам*) во[эр]атил
(*возвратил*) певицу,
Я во[эр]атил свободу ей.
Она (*запела*) исчезла, улетая¹⁰
В сиянье голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

В этой записи мне представляется любопытным прежде всего вариативность произношения звука [р]. Наряду со стандартным для русского выговора дрожащим [р] в словах *стихотворение, счера, возвратил, растворил*, в слове *роцам* в записи слышно [р] с ослабленной работой кончика языка, напоминающее соответствующий английский звук.

В произношении шипящих можно отметить ꙗ = [ш'ч'] *роцам*. Эта черта произношения, усвоенная от старших Ф. (см. раздел 2), сохранится в речи взрослого И. И. (*еще, в общем и др.*)

Усиленная по сравнению со стандартной мягкость [ч] носит, по-видимому, окказионально эмфатический характер.

Спустя 6 лет, 24-го июня 1964-го года, была сделана другая запись того же стихотворения в чтении И. И. Текст произнесен без ошибок. В фонетике произошли некоторые изменения по сравнению с первым чтением:

[р] соответствует теперь произносительной норме во всех встретившихся словах;

мягкость [ч] стандартная;

произношение ꙗ как [ш'ч'] обнаруживает устойчивый характер;

¹⁰ В тексте: *утопая*.

[а] в ударных слогах, особенно в последнем слове стихотворной строки (*уле'тал, за ме'ил*), произносится более открыто.

В речи взрослого И. И. хотелось бы отметить следующее.

Фонетика

и[х'] (их) — подстановка ich-Laut'a имеет место в этом слове; сочетания (*от, в*) *них* произносятся с твердым [х] на конце;

[ж'ж'] в словах *дождя, подожди, позже, жжет* — такое произношение в этих словах (кроме *подожди*) было нормой во второй половине XIX — начале XX века (Панов 1990, 99);

[ж'ж'4] в слове *рождение*;

каждый (каждый) — закрепившаяся в условиях ослабленной языковой коррекции черта просторечного произношения, усвоенная, вероятно, от няни. Закреплению этой черты могли способствовать два фактора. 1) При нормальном для информанта произношении *жд* как [ж'ж'] ([ж'ж'4]) в словах *дождя, рождение, подожди* круг слов с [жд] резко сужается (ждать, обсуждать, рождать), так что сочетание [жд] не является привычным. 2) В данном случае, когда фонетика заодно с графикой, оказывается существенной степень владения письменным языком. Письменный язык и печатный текст играли в формировании русских языковых навыков информанта незначительную роль. Характерно в этом отношении, что его отец, много читающий по-русски, произносит слово *каждый* в соответствии с литературной нормой. Произношение *каждый* присуще также А. И. (см. раздел 5).

Ударение и интонация

'начала (*нача'ла*) — просторечное ударение в форме ж.р. усвоено старшими детьми Ф. (Ваней, Алешей и Мурой);

'приняла (*приня'ла*).

Речи И. И. присуща немецкая интонация конца синтагмы, см. о ней раздел 3.

Грамматика

оне (3 мн.) независимо от рода — в семье использовались как форма *оне*, так и форма *они*. В речи Фимы, насколько можно судить по записи

1958 года, довольно точно соблюдается соответствие *оне* форме женскому роду, вариация с литературной формой *они* возможна только в этой грамматической позиции (см. раздел 1). У Игоря Алексеевича Ф. наблюдается вариация форм *они* и *оне* (см. раздел 2). Наталья Владимировна использует только *они*. В условиях ослабленной коррекции подобная вариация форм *оне* и *они* давала основания для обобщения в языке детей одной из форм. Мотивы выбора формы *оне* восстановить затруднительно;

ихний (их) — эта форма часто отмечается в речи эмигрантов первой волны и их потомков (Земская 1998, 45), в России ее можно слышать и в речи интеллигенции старшего поколения;

в этот *остров* (на этот остров) — по всей вероятности, речь не идет об индивидуальном выборе предлога по аналогии с сочетаниями типа *в город*, *в страну*; скорее такая сочетаемость сохраняется в речи как реликт старого (диалектного?) узуса. Сочетание с предлогом *в* можно встретить (как стилизацию), например, у Пушкина: *Все в том острове богаты* (Сказка о царе Салтане). У Даля сочетание *в остров* приводится для специального (охотничьего) значения слова *остров* 'небольшой отдельный лес' (Даль ТС, 2, 707).

Лексика

покаместъ (пока) — слово усвоено в семье, по-видимому, под воздействием речи пяни. В словаре Ожегова—Шведовой в несмягченной на конце форме фиксируется как просторечное (1992, 566)²⁰;

оттудова, откудова — просторечные слова, усвоенные от пяни Фимы (*оттудова* она употребляет, в частности, в записи сказки для детей, см. раздел 1); общая черта у Вани и Муры. Как и местоименная форма *ихний*, часто встречается в речи эмигрантов первой волны и их потомков (Земская 1998, 45);

..., и *потому* (поэтому) — всеми тремя старшими детьми Ф. используется преимущественно по сравнению с *поэтому*;

где они остались? (куда они девались?) — калька с нем. Wo sind sie geblieben? Часто употребляется вместо нейтрального Где что-либо? Характерно для речи всех трех старших детей (Вани, Алёши и Муры);

держать экзамены (давать экзамены).

²⁰ Ненормативность произношения с [t'] на конце специально отмечается в словарях, см.: Аванесов 1983, 411; СРАС, 190.

5. Алёша

Алексей Игоревич Ф., род. в 1949 г. в Берлине.

Прошел немецкую начальную школу и гимназию. Из предметов особенно нравились математика и латинский язык. Получил образование в области метеорологии, но сразу по окончании университета поменял специальность в поисках более «человечной» профессии и стал эрготерапевтом. Занимается терапией алкоголиков.

В семье был сильнее всего привязан к бабушке Анне Симоновне («бабе Ане»). В речи А. И. не удержались некоторые просторечные употребления, закрепившиеся, напротив, в речи старшего брата и сестры. Решающую роль в этом сыграла автокоррекция под воздействием речи русской подруги — эмигрантки из Ленинграда, с которой А. И. прожил вместе восемь лет, и их общего русского круга знакомых.

А. И. умеет читать по-русски, однако навыка регулярного чтения не развилось. По-немецки читать ему значительно легче. Постепенно эта ситуация выравнивается. Владея русской графикой, почти не знает правил орфографии. Письменного русского общения, кроме домашних записочек, нет.

Русский язык для А. И. с детства был прежде всего связан со сферой семейного быта.

В устной речи наблюдается отчетливая асимметрия развития домашне-бытовой, с одной стороны, и общественной сферы, с другой стороны. Если в бытовой тематике А. И. чувствует себя совершенно свободно, его речь насыщена стилистическими и эмоциональными оттенками, то в беседе на общественные темы проявляется затруднительный речь недостаток лексики, который со временем частично преодолевается.

Наряду с тематикой для речи А. И. значим такой фактор, как характер ситуации общения по степени интимности. В зависимости от того, насколько «своими» или «чужими» он ощущает собеседников, изменяется установка говорящего. В разговоре с внешним по отношению к семье человеком А. И. «включает» языковую рефлексию, стараясь говорить правильным русским языком, что затрудняет речь.

С дочерью поначалу говорил по-немецки. Теперь в общении с ней преобладает русский язык.

Запись 1958 года, которую я частично цитировала в предыдущем разделе, содержит стихотворение «Травка зеленеет...»²¹ в чтении восьмилетнего Алеши. В приводимой расшифровке транскрипционный знак [Δ] соответствует произношению этого звука с ослабленной смычкой:

Т[г]авка (*травка*) зеленеет,
Солнышко блестит,
[Δ]асточка (*ласточка*) с весною
В сени к нам летит.

С пей и солнце к[г]аше
И весна милей,
Про [ш'ч']ебит (*прощебит*) с дороги
Нам привет скорей.

[Т]ам (*дам*) тебе я зёрен,
А ты песню спой,
[шт^и] (*Что*) из стран далёких
Принес(р)а (*принесла*) с с[ъ]бой (*с собой*).

Наряду с вариативностью [р]/[г] и произношением щ как [ш'ч'] (*прощебит*), которые мы наблюдали в синхронной речи старшего брата И. И., в этой записи А. И. заслуживают внимания также такие черты, как:

- характерное для детской речи произношение твердого [л] с ослабленной смычкой; ослабленная звонкость [Δ], который в слове *дам* слышится почти как [т];
- ассимилятивная аффиксация [т] в сочетании [шт] (*что*);
- гласный типа [а] в первом предударном слоге заменен редуцированным среднего подъема [ъ] (*с собой*)²².

В 1964 году А. И. вновь читает то же самое стихотворение. Запись, сделанная шестью годами позже, свидетельствует о том, что если произношение одних звуков (например, [р] и [л]) выпрямляется, то произношение других звуков испытывает воздействие немецкой фонетики. Наметившиеся тенденции в произношении определенных звуков или

²¹ Автор неизвестен, перевод А. Н. Плещеева.

²² Это же явление можно наблюдать в репликах Алеши во время рассказа пяни в записи 1958 года, см. раздел 1.

сочетаний звуков развиваются до максимального сближения их там, где это возможно, с немецкими соответствиями. На неустоявшуюся детскую фонетику накладывается немецкий акцент.

В области согласных подверженными интерференции оказывается сочетание *чт*, которое в слове *что* произносится теперь с полумягким [ш] и альвеолярным [t] типа немецкого [t], в котором находит завершение отмеченная в записи 1958-го года ассимилятивная аффрикация [t] в данном сочетании (см. выше).

Для фонетики гласных показательно динамика произношения сочетания *с собой* по сравнению с записью 1958-го года.

У информанта заметна тенденция к более открытому по сравнению с нормативным произношению ударным [а] (*травка, краше*) и [о] (*далёких, с собой*). В случае последнего гласного такое произношение воспринимается как немецкий акцент в силу фонологической значимости в немецком языке открытости/закрытости [о] (в отличие от [а])²³.

Замещение гласного типа [а] в первом предударном слоге редуцированным среднего подъема [ъ] (*с собой*) в данном случае не может считаться реликтом детской фонетики. Эта черта характерна для немецкого акцента в русском языке.

Сочетание искаженного редуцированного в первом слоге и открытого [о] во втором слоге придает сочетанию *с собой* в целом немецкий фонетический облик.

Кроме стихотворения, в записи 1964 года можно слышать всего одну неподготовленную фразу, которой А. И. предваряет свое исполнение фортепианной пьесы. Однако эта фраза заключает в себе любопытную фонетическую информацию:

А. И.: [Т'ы]перь (*теперь*) я сыграю на рояли²⁴ «Ронд[о]» Мо'царта.

Ступень редукции в первом предударном слоге слова *теперь* соответствует неполному стилю произношения; отсутствие редукции безударного гласного в заимствовании *рондо*, а также ударение на втором слоге в фамилии *Моцарт* соответствует старшей норме произношения.

²³ Тенденция к большей по сравнению с нейтрально-нормативной открытости а, о которой я говорила при обсуждении речи старшего брата Ф., не фонологична, см. раздел 4.

²⁴ Слово *рояль* в семье используется как существительное женского рода, см. раздел 3.

В течение последующего времени произношение А. И. претерпевало дальнейшие изменения под воздействием общения с русскоговорящими. Ряд произносительных черт сохраняет, тем не менее, в его речи свою специфику на фоне современной нормы.

Фонетика

ве[р']х;

коротк[ъ]й;

[ж'ж'] в словах *дождя*, *подожди*, *позже*, *брьзжет*, *ижжет*;

[ж'ж'д] в слове *рождение*; то же в речи брата, И. И., см. раздел 4;

[т'] перед гласными переднего ряда имеет тенденцию к [ч'], в особенности перед следующим слогом с [ч'] (*в течение*);

щ = [ш'ч'] *еще*, в общем — черта произношения, усвоенная от Игоря Алексеевича, см. раздел 2;

ассимилятивное смягчение в окончаниях -(V)шься 2 л. ед.: серди[ш'ш']я (сердишься), мучае[ш'ш']я (мучаешься);

кажны́й (каждый) — общая черта произношения у Вани, Алёши и Муры, см. раздел 4.

Ударение и интонация

по сре́дам — сохранение старой акцентной парадигмы слова *среда*. Современная норма допускает два варианта произношения: как *сре́дам*, так и *'средам* (Аванесов 1983, 556);

'начала (вместо *нача́ла*) — см. раздел 4;

'кишки (вместо *киш'ки*).

Как и у старшего брата, И. И., в области интонации интерференция с немецким языком проявляется в повышающейся интонации конца синтагмы, см. о ней раздел 3.

Грамматика

оне И. мн. 3-го л. независимо от рода — общая черта языка у Вани, Алёши и Муры, см. раздел 4;

колёсъя И. мн. (колёса);

зверьми, костьми, лошадьми Тв. мн.;

после этого, что... (после того, что...);

я вышел два часа заранее (за два часа) — наречие употребляется вместо предлога по образцу нем. vorher (ср.: zwei Stunden vorher);

посмотрим, что там всё лежит (посмотрим, что там лежит) — калька с нем. *was da alles liegt*; в русском языке ближайшим грамматическим соответствием была бы конструкция сколько там всего! или чего там только нет! Условия ее правильности: 1) семантика «много» и, соответственно, форма генитива, 2) независимая позиция, 3) модальность восклицания. В приведенном контексте эти условия, однако, не выполняются: 1) семантика «много» не выражена, 2) конструкция входит в придаточное предложение, 3) контекст аффирмативен.

Смешение форм Р. п. и П. п. мн.ч. в сочетаниях с прилагательными: для некоторых играх; в других стран.

Затруднения в выборе формы Р. п. мн.ч.

В значительной степени утрачено склонение числительных.

Еще две полки не хватает — калька с немецкой конструкции «Nom. + л. ф. глагола fehlen». Наиболее вероятно появление этой кальки в том случае, если позицию «Nom.» занимает сочетание с числительным, так как склонение числительных в языке информанта почти утрачено. В то же время в речи А. И. не встретишь такой не только грамматической, но и лексической кальки, как *Он тут не хватает* (*Er fehlt hier* 'Его тут нет'), которая была зафиксирована у его сестры М. И. (см. далее, раздел 6).

Лексика

Расширенное употребление предлога *при*:

при Krankenkasse важно, чтобы... (с, в отношении, когда имеешь дело с) — калька с нем. предлога *bei* (*bei der Krankenkasse ist es wichtig, daß...*), соответствующего целому ряду русских предлогов и оборотов.

ботинки ощущается как новое слово — информант с детства знает слово *туфли* как основное обозначение обуви, как мужской, так и женской (*выходные туфли, домашние туфли — не тапочки!* — и пр.);

как стилистически сниженное, более «грубое» ощущается слово *башмаки*, но слово *ботинки* непривычно. Объяснение подобной лексической лакуны следует искать, по-видимому, в том, что женские полусапожки на завязках или застежках — а именно таково было значение слова *ботинки* (форма ед.ч. *ботинка* ж.р.) в языке XIX — начала XX века (Даль ТС, 1, 120) — не носили на память детей Ф. Этот вид женской

обуви вошел в моду лишь в последние годы. Для обозначения мужской обуви *ботинки* стали широко использовать уже в советскую эпоху²⁵. Таким образом, неупотребление слова *ботинки* в языке младших Ф. основано на старом значении этого слова, представляя собой пример значимого нуля лексемы. Информант употребляет при этом слово *полуботинки* для обозначения мужской закрытой невысокой обуви. В близком значении 'закрытые туфли на шнурковке, застежке' слово *полуботинки* употребляется и в современном русском языке (Ожегов—Шведова 1992, 573), однако на узус информанта, очевидно, воздействует нем. *Halbschuhe*;

генерация (поколение) — калька с нем. *Generation*;

нам где вылезать (в транспорте)? — узуальный стилистический сдвиг: вместо нейтрального в этой ситуации *выходить*, которое в таком контексте вообще отсутствует в речи информанта, употребляется разговорное слово *вылезать*;

делать аби'туру (сдавать экзамены на аттестат зрелости, ср. нем. *Abitur* 'экзамены на аттестат зрелости');

вперегонку (наперегонки) — черта языка начала XX века, ср. у Михаила Кузмина:

Хочешь,
побежим *вперегонку*,
по дорожке, обсаженной желтыми розами,
к озеру, где плавают золотые рыбки?

(«Сегодня праздник...»
из цикла «Александрийские песни»)

В современном русском языке нормативным признаются *наперегонки* и *вперегонки*, *вперегонку* относится к просторечному, а *вперегонки* — к разговорному употреблению (Ожегов—Шведова 1992, 100).

Расширенное употребление глагола *мыть*: *мыть белье* (стирать белье), *мыть зубы* (чистить зубы) — усвоено от родителей, см. выше в разделе о Н. В.; *мыть волосы* (мыть голову) — в языке семьи, укорененном в традиции XIX — начала XX в., еще вполне живой, по-видимому, была ассоциация сочетания *мыть голову* со значением 'ругать' (ср. *головойка*), ср. у Даля: «*Мыть кому голову, журить*» (Даль ТС, 3, 366);

²⁵ В XVIII веке *ботинки* (от фр. *bottine*) носили щеголи-петиметры (СРЯ 18 в., 2, 116).

в книге стоит, что... — калька с нем. im Buch steht, daß... Безличное употребление формы *стоит* в русском языке невозможно, однако в личном употреблении возникает корреляция между нем. *stehen* 'быть написанным, напечатанным' и рус. *стоять* в значении 'быть, находиться, иметь место'. В словаре Ожегова для глагола *стоять* оно указано четвертым. Ему соответствуют контексты *В дневнике стоит пятерка* и *На конверте стоит штемпель* (Ожегов—Шведова 1992, 798), которые и на немецкий следует переводить с глаголом *stehen*. Однако по-немецки можно сказать и **В газете стоит статья о Москве* (In der Zeitung *steht* ein Artikel über Moskau). Для носителя немецкого языка важно поэтому знать, какие ограничения накладываются на сочетаемость глагола *стоять* в интересующем нас значении. Словарь Ожегова не может в данном случае служить ориентиром, так как контексты *В дневнике стоит пятерка* и *На конверте стоит штемпель* приводятся здесь наряду с контекстами *Солнце стоит высоко. Лето стоит жарко. Шум стоит. В комнате стоит запах табака.* Можно обратиться к словарю сочетаемости, где для *стоять* приводятся нерегулярные словосочетания: «где-л. (на бумаге, на справке, в паспорте, здесь...) стоит печать (чья-л. подпись, какая-л. отметка...)» = 'где-л. имеется, есть, изображена и т. п. печать, подпись, отметка и т. п.' (Денисов, Морковкин 1983, 565). Если попытаться описать заключенные в эту формулу контексты, то вычленяются два основных признака: 1) ситуация состоит из двух компонентов — писчего материала и написанного, 2) если писчий материал может быть любым, то написанное должно удовлетворять обязательному условию — быть не текстом, а отдельным знаком;

раньше (сначала, сперва) — *Раньше мы играли, а потом...* В современном русском языке это наречие по-прежнему является синонимом к слову *сначала* и к разговорному *сперва* (Ожегов—Шведова 1992, 678), замечательно однако, что в семье Ф. используется исключительно *раньше*. В этом можно видеть проявление в речи эмигрантов тенденции к свертыванию синонимических рядов в условиях ограниченного набора речевых образцов;

стягивать (готовить) — современная норма расценивает этот глагол как разговорный (Ожегов—Шведова 1992, 802);

поварешка (половник) — Утвердившееся в современном русском литературном языке слово *половник* связано по своей семантике с понятием половины, определенной части и пришло в литературный язык из диалектного (севернорусского) употребления (варианты: *уполовник*,

по'ловница): «Половник, н(о)вг(ородское) (...) уполовник, чумичка, по-варенка», «У половинить, убавить до половины, отчего половник и уполовник, чумичка, стряпной ковш, черпачек для убавки щей, чтобы не перекипели» (Ожегов—Шведова 1992, 255, 254). В современном русском языке нормативным признается слово *половник*, в то время как *поварешка* осознается как разговорное, а *уполовник* — как просторечное употребление (с соответствующими пометами см.: Там же, 572, 543, 866);

гребёнка (расческа);

довольно (в значении сказуемого: достаточно, хватит; в функции частицы: достаточно, будет) — синонимия с *достаточно, хватит, будет* сохраняется и в современном языке (Ожегов—Шведова 1992, 172), однако в речи Ф. произошла редукция синонимического ряда до одного члена;

все за'раз (все сразу);

крушение (авария, катастрофа) — употребляется с иной сочетаемостью: не только *крушение поезда*, но и *крушение автомобиля, самолета*;

огни (светофор);

кофта (куртка);

пуловер (свитер);

она поздно *идет спать* (ложится спать) — калька с нем. *schlafen gehen*; общая черта речи детей Фремке, возникшая, очевидно, очень рано. Характерно, что когда в приводившейся беседе с Фимой Мурой употребляет *идти спать*, Фима в ответной реплике при повторе исправляет на *ложиться спать*;

на дворе темно (на улице темно) — сочетание *на дворе* осознается сегодня как черта речи старшего поколения и значительно уступает по употребительности более «молодому» сочетанию *на улице*, ср. у Б. Пастернака: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»;

папка (картон) — русифицированное нем. *Pappe* 'картон';

прыскать (брьзгать);

связти (отвезти);

отопление (батарея отопления) — напр.: *Положи носки на отопление*;

гладкий, гладко (скользкий, скользко) — расширение семантики прилагательного / наречия под воздействием нем. *glatt* 'скользкий';

дуля 'какой-либо большой, длинный предмет' — расширенное переносное значение, возникшее на основе сем 'большой' и 'удлиненная форма', содержащихся в значении 'груша (дерево и плод)', ср. отмеченное у Даля диалектное (тверское) значение 'долгая женская шуба'

(Даль ТС, 1, 500). Отмеченное в языке информанта переносное значение в известных мне словарях не фиксируется. Маловероятно, что это употребление индивидуально для А. И. Скорее всего можно предполагать, что оно усвоено от старших членов семьи, хотя проанализировать его у других членов семьи не удалось.

6. Мура

Мария Игоревна Ф., род. в 1952 г. в Берлине.

Воспитывалась дома. Когда старшие братья начали ходить в школу, языком общения с ними и их школьными товарищами становится немецкий.

Магнитофонные записи периода детства позволяют судить о раннем появлении немецкого акцента (например, альвеолярного [т]) и затрудненной артикуляции ряда звуковых сочетаний.

Вместе с двумя старшими братьями М. несколько месяцев занималась русским языком с домашней учительницей.

После окончания школы в 1973—1977 гг. учились в Институте Восточной Европы Свободного университета в Берлине по специальности «преподаватель русского языка». Во время учебы в институте была на языковой практике в Ленинграде.

Работала один год преподавателем немецкого языка для иностранцев на языковых курсах (Hartnack Schule). Пройдя курс английского языка для сферы бизнеса, несколько лет работала секретариней со знанием иностранных языков (английский и русский).

М. замужем за немцем, не владеющим русским языком. Языком семейного общения стал немецкий. С рождением сына в этой ситуации ничего не изменилось. По словам М., ей трудно и кажется неестественным говорить с сыном по-русски.

М. общительна, у нее широкий круг русских знакомых из разных эмиграционных волн. По-русски она говорит бойко. Нехватку слов или выражений склонна восполнить скорее немецкими вставками, чем кальками. В то же время артикуляция звуков, ряд калек (как лексических, так и грамматических) закрепился в речи с детства и носитустойчивый характер.

Обзор характерных черт речи М. И. я начну с комментария к уже цитировавшимся записям 1958-го и 1964-го годов.

На пленке, записанной в 1958-м году, шестилетняя Мура читает (в сокращении, без финальной морали) басню И. А. Крылова «Мартышка и Очки». В записи текст построчно записывается в транскрипции и курсивом — в обычной графике:

М.: Ма[л]ты[с]ка к ста[R]ости... г[R]аза...
Мартышка к старости... глаза...
 Н. Вл.: ...слаба глазами стала;
 М.: слаба глазами ста[R]а
слаба глазами стала
И²⁶ у людей она слыхала,
И у людей она слыхала,
 [с'т'o] это зло²⁷ не так б[o]льшой руки:
Что это зло не так большой руки:
 Ли[с] стоит завести О[t'c']ки.
Лишь стоит завести Очки.
 О[t"]ков с п[o]людю[зы]ны (э) она себе²⁸ достала;
Очков с поллюжинны она себе достала;
 Ве[R]тит О[t'c']ками так и скл:
Вертит Очками так и скл:
 То к темлю и[x'] при[j]мет, то²⁹ на хвост нани[зъ]т,
То к темлю их прижмет, то на хвост нанижет,
 То³⁰ понюхает, то³⁰ полижет—
То понюхает, то полижет—
 О[t'c']ки не действуют ни-как!
Очки не действуют никак!
 «фу» и[R]опасть! — гово[R]ит она.— И тот ду[R]ак,
«Тьфу пропасть! — говорит она.— И тот дурак,
 Кто слу[с]ает [R]юдских всех в[R]ак:
Кто слушает людских всех врак:
 Всё про О[t'c']ки мне ли[с]³⁰ на[Δ]гали;

²⁶ В тексте: А. Орфография текста басен Крылова приводится по изданию: Крылов 1954.

²⁷ В тексте: Что это зло еще.

²⁸ В тексте: себе она.

²⁹ В тексте: то их.

³⁰ В тексте: лишь мне.

*Все про очки мне лишь налгали;
И³¹ проку на волос нет в них».
И про куды на волос нет в них».
Ма[л]ты[с]ка тут с досады и³² пе[т'с']али
Мартышка тут с досады и печали
О камень так хватила их,
О камень так хватила их,
[с]то только б[R⁴]ызги засв[Р]кали.
Что только брызги засверкали.*

И. А.: Последнюю басню «Мартышка и очки» говорила Мура.

Большинство из наблюдаемых здесь отклонений от стандартной фонетики обычны для детского произношения:

- ш → [с]
- ж → [з]
- ж → [j] (позиционно обусловленный в *прижмет*)
- ч → звуки типа [т'с'], [т'ч']
- р → неопределенный сонант без смычки [R];
- взаимная мена [λ] / [р]
- л → сонант с ослабленной смычкой [λ].

В двух случаях можно было бы видеть зачатки немецкого акцента или, по крайней мере, присутствие немецкого языкового фона, однако в обоих случаях наблюдаемые отклонения объяснимы и в рамках русской фонетики.

Первый из них таков:

[их'] (их) — воздействие со стороны немецкого *ich-Laut'a* здесь мало-вероятно; скорее произношение со смягчением конечного заднеязычного объясняется ассимилятивной «настройкой» артикуляции на последующую группу слогов с мягкими согласными перед гласными переднего образования (*прижмет*);

другой случай составляет отсутствие редукции в первом предударном слоге слова *большой*, где вместо [ъ] Мура произносит [о]. Однако следует заметить, что это [о] открытое (ср. о тенденции к открытой ар-

³¹ В тексте: *A.*

³² В тексте: *и с.*

тикуляции гласных [а] и [о] в разделах 4 и 5). По всей вероятности, речь идет об оговорке. Любопытен, однако, ее характер: русское слово произносится по правилам немецкой фонетики (отсутствие редукции в безударных слогах, регулярность [о] открытого в положении перед [и]).

В записи 1964-го года, после вступления ведущего (И. А.: Сегодня [н'и], двадцать четвертого июня тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, наши старшие дети повторят стихотворения, которые они говорили когда-то. Первая начинает Мура.) М. И. вновь читала басню «Мартышка и Очки».

Насколько можно судить по этой записи, особенности произношения, присущие М. И. сейчас, к моменту записи полностью сформировались, сложился немецкий акцент. Наиболее ярко выделяются следующие его черты:

альвеолярное [т] с приыханием = нем. [t];

полумягкое [ч], приближенное к соответствующему немецкому звуку;

[к'и] продвинуто в среднеязычную зону под воздействием нем. ich-Laut'a;

[р] не переднеязычный дрожащий, а также смещенный в среднеязычную зону, с ослабленной работой кончика языка. Этот звук вызывает трудности у большинства детей, осваивающих русский язык в условиях немецкоязычного окружения. Одну возможность составляет отождествление русского [р] с одним из двух дрожащих звуков, в которых реализуется в немецком языке фонема R, т. е. с язычковым или переднеязычным. Однако последнее, фонетически наиболее близкое русскому [р], имеется лишь в определенных региональных вариантах немецкого литературного произношения (в частности, в Баварском). Таким образом наиболее распространенным оказывается усвоение язычкового дрожащего для обоих языков. В русском такое «грассирующее р» воспринимается как допустимое отклонение от нормы, как дефект речи, который поддается исправлению под руководством логопеда. Другую возможность составляет та, с которой мы имеем дело в случае М. И., а именно объединение немецких и русских вариантов R в некотором «среднем» г- звуке;

более передняя артикуляция [ы];

[ъ] в первом предударном слоге³³ (м[ъ]ртышка вместо м[а]ртышка).

³³ Подобная замена звуков в первом предударном слоге может, вообще говоря, быть результатом нескольких различных интерференционных процессов и характерна, например, для произношения носителей русского языка южнорусской зо-

На уровне суперсегментных единиц акцент наиболее заметен в необычном для русского уха распределении степени ударности и, соответственно, в увеличенной доле контуров с повышением тона. Так, например, в синтагме *не так большой руки* вместо одного интонационного центра их оказывается три — на всех ударных слогах, и на каждом имеет место повышение тона, так что возникает волнообразный интонационный контур, характерный для немецкой синтагмы с аналогичным лексическим наполнением.

В записи 1964 года М. И. читает еще одну басню Крылова, «Волк и Кот». Кроме отмеченных общих черт произношения, в этом чтении обращают на себя внимание два момента:

«*Вол[к'их]ом*» (Волк и Кот);
он[e] (они). И. мн., контекстный м.р.—

Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
 Чтоб на свою беду тебя спасли они.
 И правы,— сам себя вини:
 Что ты поселял — то и жни.

Как следует из слов ведущего записи, басня заучивалась под руководством бабушки Ольги Робертовны (*И. А.: Теперь нам Мура добавит еще одну басню, которую она очень любила учить вместе с бабой Олей*), так что здесь можно было бы говорить об отражении ее произношения. Однако в случае *он[e]* (они) скорее речь идет об употреблении М. И. закрепившейся уже в ее речи формы, несмотря на рифму (*они — ани — жни*) и орфографию (если она вообще играла какую-нибудь роль, скорее текст заучивался на слух).

Черты немецкого акцента, о которых здесь шла речь (альвеолярное [t], полумягкое [ч], и[х'] (их) и др.), присущи произношению М. И. и сейчас. Из явлений других сфер языка хотелось бы отметить следующее.

Грамматика

Посессивная конструкция с предлогом *от* — дача от них (их дача); знакомые от папы (папины знакомые); дети от знакомых (дети знакомы)

или для украинского акцента в русском языке. В случае М. И. актуально объяснение данной черты произношения исходя из немецкого акцента, которому присуща гиперкорректная редукция в первом предударном слоге.

мых); *мать от Hans* (мать Ханса) — калька с посессивной конструкции von + Subst., характерной для немецкого разговорного языка. В литературном языке ей соответствуют конструкции с генитивом (имен нарицательных) или посессивом (имен собственных). Если обладатель назван именем собственным, информантка предпочитает употребление конструкции «от + имя в Им. п. в немецком фонетическом оформлении»;

два 'кила (два кило, килограмма), *пятьдесят кил* (пятьдесят кило, килограммов) — несклоняемое слово *кило* употребляется при количественных числительных как склоняемое в форме квазигенитива множественного числа. Информантка точно не знает, как слово звучит и употребляется по-русски и использует германизм 'Kilo 'килограмм', присыпывая ему русские формы словоизменения;

с очками (в очках) — калька с нем. mit der Brille, ср. в составе калькированного словосочетания *только с рубашкой* (в одной рубашке) пир mit dem Hemd;

если б не был этот ветер — форма И. п. при отрицании вместо нормативного Р. п. появляется как калька с немецкой номинативной конструкции Wenn der Wind nicht gewesen wäre. О переводе с немецкого говорит глагол быть, ср. с узульным русским *Если б не ветер*;

у него два зуба не хватает; он тут не хватает — калька с немецкой конструкцией «Nom. + л. ф. глагола fehlen», соответственно: Bei ihm fehlen zwei Zähne и Er fehlt hier.

Лексика

одёжса;

плотит (3 ед. от платить) — просторечные слова. Их источником может быть прежде всего словоупотребление няни. Кроме того, форма *плотит* есть в речи Натальи Владимировны;

оттудова, откудова — общая черта произношения у Вани и Муры, см. раздел 4.

Ударение и интонация

'начала — общая черта произношения Вани, Алёши и Муры, см. раздел 4;

'звонит — просторечное ударение в этой форме характерно для речи родителей и удержалось у Муры и Вани.

Как и матери и братьям, М. И. присуща немецкая интонация конца синтагмы и звательная (см. о них в предыдущих разделах), последняя слышна уже у шестилетней Муры в записи 1958 года.

7. Вова

Владимир Игоревич Ф., род. в 1960 г. в Берлине.

Сохранилась магнитофонная запись 1963 года, на которой трехлетний Володя читает русские стихи. Наблюдаемые здесь фонетические отклонения от нормы относятся к области дефектов речи, обычных в речи русских детей этого возраста. Немецкого акцента нет.

В. не ходил в детский сад, воспитывался дома. Тем не менее воздействие немецкой речи было сильным. Оно шло не только через общение с немецкими сверстниками во дворе, но и со старшими братьями и сестрой, которые к этому времени уже учились в школе и между собой разговаривали по-немецки, а также с их школьными товарищами, приходившими в дом Ф. в гости. По рассказам Володиной мамы, ему было трудно слушать русские сказки, через слово требовался перевод на немецкий, так что в конце концов она сдалась и перешла исключительно на немецкие книги.

В отличие от старших детей Володю не учили русской грамоте, а самостоятельного интереса к русскому языку и России у него не развились.

Школьником В., как и старшие братья, прислуживал в русской церкви.

В. женат на немке. Их домашний язык немецкий. Постоянного русского круга общения у В. нет. Лишь родители, общение с которыми, впрочем, ослаблено, и несколько их знакомых продолжают говорить с В. по-русски. Говорить ему по-русски трудно, речь замедлена и лексически бедна, недостаток слов восполняется столь многочисленными немецкими вставками, что в целом речь В. выглядит как говорение немецкими словами по примитивной русской грамматической канве.

8. Николай Алексеевич

Николай Алексеевич Р. (по матери Ф.), род. в 1921 г. в С.-Петербурге.

После начальной школы учился в немецкой, а затем в русско-немецкой гимназии в Берлине. Получил высшее медицинское образование.

ние. Вскоре после окончания войны уехал из Германии и поселился с семьей в Австралии. В России никогда не был.

Живя в австралийской провинции, Н. А. удален от какого-либо крупного русского сообщества, так что общение на русском языке в основном сосредоточено в кругу семьи. Статьи и книги пишет по-английски. Часть переписки ведет по-русски.

Письма, которые здесь приводятся, написаны хорошим русским языком и обнаруживают высокую степень языковой рефлексии автора. Они содержат сведения о языковой ситуации в русской эмигрантской среде в Германии, а также о восприятии новых, с точки зрения Н. А. и его поколения эмигрантов, слов русского языка.

Для языковой позиции Н. А. характерно, прежде всего, то, что установка на сохранение русского языка, который Н. А. считает родным, не исключает для него открытости в отношении нового языкового развития в России. В отличие от многих эмигрантов его поколения, в частности, от старшего брата Игоря (см. о нем раздел 2), Н. А. не склонен отвергать «советский» язык как продукт порчи дореволюционного русского языка, но напротив, по своим потребностям и вкусу готов принять новые явления современного языка.

С юности Н. А. интересовался тем, что происходит с русским языком в СССР. Он усваивает целый ряд слов и выражений, почерпнутых им из литературы и прессы советского периода, активно пользуется словарями.

Среди ассимилированных слов оказываются и такие, которые осознаются Н. А. в качестве советизмов, имеющих «старые» эквиваленты. Так, он использует слово *физкультура*, хотя в том же письме комментирует данное слово в ряду советизмов и объясняет его словом *гимнастика*.

Усвоение новой лексики идет у Н. А., главным образом, по-видимому, через письменную речь. Это имеет два основных последствия. Первое из них состоит в том, что отсутствие живой русской языковой среды способствует консервации устно-разговорной речи; следует ожидать, что новый разговорный узус, общий жargon не знакомы Н. А. Характерна в этом смысле его реакция на слово *парфигизм*, встретившееся ему в тексте моих путевых заметок: оно оказалось совершенно непонятным; кроме того, Н. А., по-видимому, настолько не ожидал появления в такого рода тексте жаргонного слова, что предположил в

нем новое заимствование англ. *profligacy* 'распутство', 'расточительность' (см. письмо от 3.06.99, раздел 15).

В письмах Н. А. можно наблюдать и другое естественное действие ситуации, когда усвоение новой лексики идет через письменные тексты. Оно состоит в том, что пополнение индивидуального словаря зависит от репертуара чтения. На счет этого фактора я отношу использование Н. А. официально-деловой и научной лексики в тех случаях, когда возможны и более уместными казались бы стилистически нейтральные эквиваленты. Главную причину этого можно видеть в характерной для эмигрантского языка слаженности стилистических различий, о которой уже шла речь во вступлении к этому очерку.

В письмах встречаются отклонения от современной нормы в области лексической сочетаемости (например, *как работает пищевод* — сейчас бы сказали *действует*; [школа] *произошла из двух школ* — *возникла*; *неминуемая реальность* — *неизбежная, причины... содействовали* — *способствовали*, *были расхождения с языком других регионов — отличия от*) и грамматики (в *никого не стрелял* — *ни в кого*, *язык был важный для меня* — *был важен, вводятся много новых слов — вводится*).

Для новых реалий Н. А. старается подыскать русское слово. Не всегда зная, как данное явление или предмет называют в России, он использует неологизм. Примером может служить слово *печатник* 'принтер', об индивидуальности которого мне, однако, трудно судить.

Во фразеологии автор писем также старается избегать варваризмов. Отсутствие каких-либо обращений к английскому языку объясняется тем, что Н. А. не знает, в какой степени с этим языком знакомы адресаты письма. Более показательно для его языковой позиции, что те немногочисленные немецкие фразеологизмы, которые Н. А. использует в своих письмах, он выделяет как цитату («*с длинными зубами*³¹») или снабжает русскими гlosсами (я «*останусь сидеть*», т. е. *меня не переведут в следующий класс*), хотя и не сомневается в том, что будет понят без перевода.

Письмо от 24 сентября 1997 г. к племяннику Алексею (о нем см. раздел 5) и ко мне в Берлин³².

³¹ Нем. lange Zähne machen, mit langen Zähnen essen 'есть без аппетита, пос воротить'; соответствующий фрагмент письма Н. А. не приводится в данной публикации.

³² Письмо набрано на компьютере, подпись от руки. В цитате сохраняются орфография и пунктуация автора.

Дорогие Марина и Алеша,

Наконец-то я собрался с силами, чтобы написать вам. Все время что-нибудь мешало оказать надлежащее внимание этому делу. В конце июня, например, неожиданно проявил себя опоясывающий лишай (*Herpes zoster*), на правой руке и фактически вывел из действия на продолжительное время два самых важных пальца — большой и указательный.

Но не буду жаловаться слишком много. Вообще-то мое здоровье не такое плохое. В прошлом году случилась водянка вследствие слабости сердечного мускула и мне пришлось пробыть в больнице некоторое время. Но медикаменты помогли. Вода ушла, и только изредка, к концу дня, немножко распухают ноги.

Когда Гуля³⁶ сообщил мне, что вы переехали на *Kaiserdamm* 9, мне вспомнились некоторые события 1945 года, свидетелем которых я был. Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что этот район тогда, в первые месяцы после окончания войны, был очень непопулярный. Дело в том, что в доме на *Kaiserdamm* 1 разместились НКВД и Управление контрразведки СМЕРШ советских войск в Берлине. А напротив этого дома жила женщина-врач, жена главного врача лазарета, к которому я был причислен до окончания войны, и она очень просила меня преподавать ей русский язык. Но из этого ничего не получилось.

Впрочем, недалеко от вас находится *Lietzensee*, куда нас Фима иногда гулять водила когда мы были детьми. Скажи Алёша, ведь ты наверно помнишь Фиму? Она умерла в 1961 г. Тебе тогда было 11 или 12 лет. Замечательный человек была наша Фима. Ей следовало бы поставить памятник.

Не знаю, рассказывал ли вам Гуля, как мы с Фимой приехали в Германию в октябре 1921. Мама (бабушка Оля) тогда получила возможность вернуться на родину ее отца легально на основании соглашения между РСФСР и Германией о ре-эмigration лиц немецкого происхождения. При этом ей позволили взять с собой всех ее детей: от первого мужа — Владимира Баровского (13 лет), от второго — Игоря, Леонида и Николая (4, 2 и полгода) Р(...). Кроме того, с мамой уехала в Германию «няня» Фима (Евфимия Мартыновна Максимова). Фима была взята в семью моей бабушки Татьяны Михайловны Ф(...), чтобы смотреть за детьми. Это случилось в 1881 году, когда ей исполнилось 13 лет. Сама Фима не помнила точно, когда она родилась и документов у нее никаких не было, но год, когда она приехала с матерью из Витебской губернии в Петербург и пришла в нашу семью она помнила, потому что случилось это вскоре после убийства Александра II.

Вот эта Фима в октябре 1921 г. пришла на набережную Невы где стоял старый пароходик, который потом тащился 7 дней до Германии, чтобы про-

³⁶ Игорь Алексеевич Ф., старший брат автора письма, см. о нем раздел 2.

водить маму и помочь ей справиться с детьми. Вова ведет Гулю, мама смотрит за Лялей, а Фима несет меня полугодовалого на руках. Кроме того тут еще мешки с вещами, которые требуют внимания. У трапа стоит красноармеец и проверяет документы. Фиме не полагается следовать дальше, на «немецкую» территорию парохода. Тогда мама снимает кольцо с пальца, сует его красноармейцу в руки и говорит: 'Товарищ, как видите мне трудно одной справиться со всеми детьми и вещами. Позвольте, пожалуйста, этой женщине пройти на пароход. Когда мы устроимся, она сойдет с него'. Красноармеец махнул рукой и пробормотал: 'Проходите, гражданин'.

Вот таким образом Фима без вещей, только в том, что на ней было одето, выехала с нами в Германию и прожила с нами 40 лет. Несмотря на то, что она была практически безграмотная и жизнь у нее была нелегкая, она все время трудилась на благо других без должного вознаграждения, никогда на свою судьбу не жаловалась, ничего не требовала и со всем мирилась. И вот теперь я знаю, что эта Фима была исключительным человеком и сыграла существенную роль в нашей жизни. Она воспитывала нас, сама не сознавая этого, своим примером, своим простым и положительным подходом к жизни, своим бескорыстием и своей добротой. Я уверен, что на том свете ее встречали ангелы и прямо взяли ее на небо.

На этом пока заканчиваю мои воспоминания. Если вас интересуют рассказы о нашем прошлом, я как-нибудь напишу еще о нем. Теперь поговорим о насущных делах.

В 1982 году я написал книгу о теории относительности и с тех пор хотел продолжить писательскую деятельность. В связи с этим я изучал разнообразные материалы и источники информации на интересующие меня темы. Одна из них, а именно дело фальшивой Анастасии, продвинулась дальше всего и поэтому я решил написать следующую книгу о ней. Но собранные материалы имеют два «пробела». Один из них — суждения гамбургского суда 1967 года об отклонении признания «Анастасии», а другой — статьи и полемика на страницах газеты *Berliner Nachtausgabe* в начале 1927 года. Что требуется для устранения второго «пробела» изложено на отдельном листе с заглавием *Задание*, который приложен к этому письму. Я был бы очень рад если бы вы могли осуществить это задание или найти подходящего человека, который мог бы это сделать. Я непременно хочу заплатить за труд связанный с исполнением задания. Сообщите ваши соображения.

Если я вас правильно понял, Марина получила работу в Humboldt-Universität. Интересно было бы узнать, в чем заключается эта работа и правится ли она Марине.

Пока-же мы, тетя Ира и я, целуем вас крепко и желаем всего наилучшего. Поцелуйте от нас Соню.

Ваш друг Колл

Письмо от 3 июня 1999:

Дорогие Алеша и Марина,

Наконец собрался написать вам письмо.

Чтобы внести порядок в это длинное послание и чтобы его было легче писать, да и легче читать, я разделил его на части, относящиеся к отдельным темам или вопросам, и разделил их текущими номерами.

1. Извините, что с письмом произошла такая длинная задержка. Когда я уже некоторое время тому назад серьезно взялся за него, у меня на ноге сделалась рана. Чтобы ей дать зажить, пришлось ногу держать в горизонтальном положении, т. е. лежать или сидеть в кресле с поднятой ногой. К сожалению, в таком состоянии я не мог пользоваться моим компьютером (и связанным с ним печатником³⁷). Теперь, кажется, дела идут к лучшему, и я могу сидеть за письменным столом.

2. Продолжаю воспоминания о нашей жизни в Германии в 20-х годах.

Маме одной с четырьмя детьми было очень трудно. Да и сама Германия тогда находилась в тяжелом экономическом положении. Немцы своих реэмигрирующих соотечественников не принимали с открытыми объятиями, скорее наоборот. Называли их «*lästige Ausländer*»³⁸. Но как-то все трудности удалось преодолеть. Мы жили бедно, но мы не голодали и крышу над головой, и все самое необходимое для жизни, имели.

В 1923 г. в Германию прибыл мой отец. Он перешел нелегально границу СССР с Латвией. Она тогда еще не охранялась так тщательно как позже. В это время был НЭП, и повидимому можно было покинуть пределы СССР, если было достаточно желания и решительности.

Прибытие отца в Германию не принесло семейного мира. Наши родители не нашли общего языка и разошлись. Дети остались с мамой. (...)

Мама в 1925 г. оформила свое германское подданство и официально приняла фамилию «Р (...). Мы, три сына от Р (...), были приспаны к маме, и таким образом сделались немцами.

Вова (Владимир Баровский), наш полубрат, оставался бесподданным. Но как раз в то время он трагически погиб. Он интересовался пистолетами. Живя в русском интернате в местечке Falkenberg, недалеко от Eberswalde, он объяснял своим соученикам как работает пистолет, и при этом случайно застрелился. Оказалось, что предохранитель был неисправный.

³⁷ Имеется в виду принтер. В Германии пользователи компьютеров, принадлежащие, как правило, более молодому поколению эмиграции, употребляют наряду с *принтер* германизм *друкер* (нем. Drucker).

³⁸ «Обременительные иностранцы» (нем.).

Я смутно помню Вову. Мне было тогда 4 года. Был вечер и я лежал уже в кровати. Вова подошел ко мне, чтобы попрощаться. Он возвращался к себе в интернат после перерыва, и больше мы его не видели. Ему было 17 лет и похоронили его в Falkenberg'e.

3. Религия играла определенную, можно даже сказать важную, роль в нашей жизни. Мама по отцу была лютеранкой, и когда мы жили на Bornholmer Strasse она иногда, обыкновенно на Рождество, ходила в лютеранскую церковь и брала меня (и вероятно моих братьев) с собой. Когда мы в 1927 г. переехали в Charlottenburg, на Goethestrasse, она уже больше не посещала лютеранскую церковь, но обычай, к которому она привыкла в своей семье — праздновать Рождество и Новый Год по-немецки — она продолжала практиковать еще очень долго.

У них в семье было заведено Пасху праздновать по-русски, потому что Татьяна Михайловна (моя бабушка) была православной. А Рождество они праздновали по-немецки, потому что Роберт Робертович (мой дедушка) был лютеранином. На почве разных вероисповеданий у них никаких проблем не возникало. И у нашей мамы этот порядок продолжался безболезненно, несмотря на то, что праздновать Рождество по новому стилю с точки зрения православия было нарушением рождественского поста.

Мама еще в России любила ходить в православную церковь. На Пасху она бывала на заутрени, пела в хоре, принимала участие в приготовлении куличей и пасхи, красила яйца. Мало того, она не только пела в хоре, но и управляла им, когда они жили на даче в Эстляндской губернии. В Германии, в 1922—23 гг. она была регентом хора в посольской церкви и на Nachodstrasse. В конце концов, вскоре после 1925 г., мама приняла православие. Нужно сказать, что мама любила особенно обрядную и мистическую сторону православия, а я искал связь религии с разумом.

Интересно, что своих детей мама крестила по-православному еще задолго до того, как она сама перешла в него. Наш отец тоже не был православным. Он происходил из сектантской среды. Его дедушка, вместе с другими молоканами из Тамбовской губернии, был сослан на Кавказ. Отец родился и окончил среднюю школу в Тифлисе, и в конце 1916 г. поступил в «путейку» в Петрограде. Свое молоканство он забросил и вообще религией не интересовался.

Что касается национальности или этнической группы, в отличие от религии, к которой мама относила себя в молодости, я ничего не могу сказать. По происхождению она была наполовину немкой, а ее «русская половина» была в действительности только «четверть». Другая «четверть» была эстонская. Скорее всего, она не задумывалась о том, кто она такая. Ее это не тревожило. В 20-х годах в Германии и позже она безусловно считала себя русской.

Вообще в кругу наших знакомых было много людей с немецкими фамилиями — выходцев из России. На деле почти все они были русскими и мечтали, как и мама, вернуться в Россию когда там изменится власть.

(...)

5. Марина интересуется вопросами языка и я хочу сказать несколько слов о том, как они затрагивали меня и нашу семью.

Меня иногда спрашивают, как это случилось, что я, прожив всю жизнь за границей, научился говорить по-русски, да еще без всякого акцента, умею писать не хуже любого русского человека, и не проявляю никаких признаков ассимиляции с окружающей средой, по крайней мере в отношении языка.

Я думаю, что одной из первых причин была «доскональная» двуязычность в нашей жизни, при чем дома отдавалось явное предпочтение русскому языку. Но вообще мне кажется, что мы являлись исключением. И кто может точно объяснить, почему обстоятельства складываются именно так, а не иначе?

Как правило, мое поколение в Германии к исходу 30-х годов проявляло медленную, но явную, тенденцию к обнемечиванию, также как тут, в Австралии, молодое поколение переходит на английский язык, как средство коммуникации, и приспосабливается к австралийской жизни.

В отношении специфических причин, которые содействовали сохранению русского языка в моей жизни, я могу указать на следующие обстоятельства: (1) Мама сознательно хотела поддерживать «русский дух» в нашей семье и говорить с нами по-русски. Я не хочу сказать, что она нас заставляла так поступать, но она решительно следила за тем, чтобы мы дома с ней и между собой говорили по-русски. А мы безусловно не противились этому. К тому же нам с Фимой нужно было говорить, так или иначе, по-русски. (2) Наш круг знакомых и родных преимущественно говорил по-русски. (3) Я женился в 1946 г. Моя жена выехала из Киева в 1943 г. и к немецкому языку еще не успела приспособиться. Я с ней говорил, и продолжаю говорить, по-русски. Это наш родной и естественный язык. (4) Важную роль сыграло и то обстоятельство, что во время войны я начал сознательно совершенствовать мое знание русского языка. Я стал больше читать, писать, употреблять справочники, изучать насущные вопросы русского языка. Я имел возможность почувствовать и осознать ту существенную роль, которую сыграло знание русского языка в моей жизни во время войны. Я не буду вдаваться в подробности, скажу только, что я служил в германской армии 4 года и в меня никто не стрелял, и я в никого не стрелял. У меня кроме русского языка сыграло роль и то, что я был студентом медицины, а вот в жизни моего брата Гули знание русского языка имело исключительное значение во время войны, да и после нее.

6. Раз уж мы говорим о языке в нашей семье, хочу вспомнить еще такие обстоятельства.

Фиме было трудно научиться говорить по-немецки. Не было ни времени, ни возможности, ни таланта. Она выучила несколько слов и фраз необходимых для того, чтобы купить хлеб и молоко, и в магазинах ее понимали. Но в

более сложных ситуациях она без нашей помощи обойтись не могла. Однако, такие случаи возникали очень редко. А вообще она без нас никуда не ходила и судьба ее ни разу не заставила отлучиться от нас.

И еще нужно сказать, что у мамы было большое желание научить нас русской грамоте. Помню, как она сама давала нам уроки языка. Мы должны были писать буквы, читать букварь и хрестоматию «Живое слово», и переписывать тексты из других «допотопных» книг для детей. Стишки из букваря мы должны были заучивать наизусть, и некоторые из них я помню еще до сих пор: «Ёж под ёлкой удивлён, ёлка с иглами, и он», или «Гусь шагает как солдат, груша зреет, Гриша рад». Мы, конечно, не любили всю эту дополнительную нагрузку. Но мама была настойчивая и ее старания имели определенный успех.

«...»

7. Что касается некоторых конкретных вопросов языка, которыми Марина интересуется, то я не могу вспомнить много подробностей, главным образом потому что я им никогда не уделял большого внимания. Язык был важный для меня как средство коммуникации и выражения мыслей и идей. Как предмет лингвистики он, к сожалению, никогд^а не попал в сферу моих интересов. Но некоторые наблюдения у меня все-таки остались в памяти и я постараюсь их вспомнить.

Я уже рано заметил, что не все эмигранты говорили на одном языке. В основном, конечно, это был русский язык, и расхождения были незначительные. Но они были. Их можно было уловить в тонкостях произношения и акцента. Они выступали более ясно в ударении некоторых слов, как например «библи'отека», «маг'азин» и другие. Мама считала, и я согласен с ней, что правильно надо сказать «библиотека»³⁹ и «магазин». Но ведь были же люди, которые с этим не соглашались. В конце концов спор сводился к тому, что означает «правильно» и что «неправильно».

Мама, в основном, говорила на «петербургском» языке. В нем было мало просторечия, и отсутствовало «оканье» или «аканье»⁴⁰. В лексическом составе были расхождения с языком других регионов России. Мы не употребляли такие слова как «бурак», «фасоль», «черешни», «помидоры», а говорили «свекла», «бобы», «вишни», «томаты»⁴¹.

Конечно, в наш язык вкрадывались германизмы. Всем были известны например такие слова как «анимельдоваться» и «абмельдоваться» (регистриро-

³⁹ В речи брата Игоря закрепилось, однако, библи'отека, см. раздел 2.

⁴⁰ Аканье в речи Ольги Робертовны, конечно, было. Не совсем точно зная значение этого лингвистического термина, Н. А. хочет сказать, что в ее речи отсутствовали специфически диалектные черты.

⁴¹ Эти слова закрепились и в речи детей Игоря Алексеевича Ф.

ваться в полиции)¹², «аларм» (воздушная тревога), «унтергрунд» (подземная железная дорога)¹³, «портье» (дворник, привратник), «кухен» (сладкая булка)¹⁴. В других странах рассеяния употреблялись слова заимствованные из местного языка. Если кто-нибудь вставлял в свою речь такие словечки как «арго», «алерт», «метро», «бистро», «консьерж», то не могло быть сомнений, что этот человек приехал из Франции. Помню, как я прочитал в русской газете, выходящей в Америке, заголовок «Марину приехали» и поинтересовался, о ком идет речь. Оказалось, что мы имеем дело с частью армии, которую в других странах называли бы морской пехотой. Конечно, многие слова иностранного происхождения приобрели, и продолжают приобретать, права гражданства в русском языке. И к ним относится например «метрополитен» или «метро» после того, как в Москве построили подземку в 30-х годах и решили ее так назвать. Но в Германии это слово оставалось чужим.

Тут уместно упомянуть о том, что уже в довоенные годы эмигрантский язык начал отличаться от «советского» языка. В СССР появились новые слова, как «самолет» (аэроплан), «машина» (автомобиль), «медсестра» (сестра милосердия), «домработница» (прислуга), «физкультура» (гимнастика), «путевка», «читка», «концовка», «майка», «агитпроп», «лекпом», «управдом», «вузы» и «втузы» и т. д. Эти слова заграницей не употреблялись и сразу же выдавали советского человека. Но разница стала проявляться не только в употреблении отдельных слов, но и в оборотах речи, в ударении, и даже в интонации.

После того как началась советско-германская война в 1941 г. и люди из СССР («остарбайтеры», вторая эмиграция) начали появляться в Германии, старый эмигрантский язык медленно, но верно, начал изменяться. Новая эмиграция принесла все то, что произошло в отношении языка в течение 25 лет советской власти. В конечном итоге это привело к определенному смешению языков. В период 1945—85 мы замечаем опять расхождения в языке между людьми в СССР и заграницей. В СССР вводятся много новых слов, о которых заграницей ничего не знают. И этот процесс продолжается. Конечно, происшествия 90-х годов создали совершенно новую ситуацию, и какое влия-

¹² Оба слова употребительны и в языке современной русской эмиграции в Берлине, с тем отличием, что *анмелльдоваться* (нем. *sich anmelden*) претерпело дальнейшую русификацию и звучит теперь как *замельдоваться*.

¹³ В языке берлинских родственников Н. А. вместо *унтергрунд* употребляется U-Bahn с формами русского склонения. Сам Н. А. употребляет в письме слово *подземка*.

¹⁴ Толкование Н. А. не совсем точно. Нем. *Kuchen* употребляется 1) как родовое обозначение всех видов выпечки, с которыми принято пить послеобеденный кофе; 2) как эквивалент рус. *пирог* и *пирожное* (в отличие от *Torte* 'торт').

тие на развитие языка имеют русскоязычные эмигранты последних лет сейчас еще трудно определить.

Интересно, что Марина употребляет некоторые слова, которые у нас до сих пор не были в обиходе, как например «толчей», «поврзъ», «читабельно». Эти слова наверно нужно отнести к языку «третьей эмиграции». В новейших словарях их можно найти, но в старых эмигрантских кругах я их не слыхал.

8. У меня есть один вопрос. Он касается слова «шибздик». Когда я был мальчиком и Фима сердилась на меня, она называла меня «шибздиком». Встречал я его и в литературе, но очень редко. Слыхала ли Марина это слово, и что оно точно означает? В словарях его нет, кроме этимологического словаря Фасмера. Да и там оно плохо объяснено.

(9.)

10. Марина спрашивала о моем « побеге » в 1937 г. и о русско-немецкой школе в Берлине. Тогда, 62 года назад, мне все было не так ясно и понятно как сейчас, но теперь главные причины я могу определить так.

Во-первых, мне, как и многим другим молодым людям, просто надоело в школу ходить и учиться. Я чувствовал, что это была потеря времени. Многие предметы меня совершенно не интересовали и не хотелось тратить силы на то, чтобы их осваивать. Я хотел поступить на работу, но я не отдавал себе отчета, на какую именно работу я стремился. Мама была категорически против этого и ее было невозможно переубедить. Она уже тогда предвачертала путь моего дальнейшего образования и хотела во что бы то ни стало сделать из меня доктора⁴⁵.

Во-вторых, упадок интереса к школе влек за собой упадок успеваемости. Плохие отметки в сентябре 1937 г. указывали на то, что в апреле следующего года я «останусь сидеть»⁴⁶, т. е. меня не переведут в следующий класс. Кроме того, приход к власти Гитлераоказал влияние на школьную жизнь и на учебные программы. Постепенно началось внедрение определенной идеологии и пафоса, духа узкого национализма и милитаризма. Физкультура, например, прежде в школьной программе играла второстепенную роль. При гитлеровских порядках ее сделали одним из главных предметов и без удовлетворительной отметки нельзя было пронестиуться в следующий класс. Новый политический режимоказал влияние и на другие предметы. Перестройке подвергся предмет «Немецкий язык», который включал немецкую литературу. Тут начали изымать еврейских авторов и все, что считалось «декадентным» и «разлагающим» дух германского национализма и дисциплину. В предмете «Биология» начали изучать генетические теории и, в связи с этим, «оздоров-

⁴⁵ По наблюдениям исследователей, слово *доктор* (не *врач*) характерно для языка эмигрантов (Земская 1998, 43). В употреблении Н. А. *доктор* и *врач* варьируют.

⁴⁶ Нем. *sitzen bleiben* 'остаться на второй год'.

ление» генетического потенциала, превосходство северной расы и принципы расовой политики.

Все это меня совершенно не устраивало. Избежать этого казалось невозможным, но неминуемая реальность происходящего толкала к какому-то действию, к какой-то развязке.

В-третьих, у меня дома портились отношения с мамой. Она меня совсем не понимала и считаться с моими желаниями не хотела. У нее были свои идеи, как нужно воспитывать детей, и главную роль тут играло беспрекословное повиновение авторитету матери. Конечно, в какой-то степени она была права, но она перегибала палку. Она никогда не советовалась с детьми и настаивала на исполнении ее воли даже в таких делах, в которых совершенно ясно можно было уступить. (...)

11. Я отсутствовал 7 дней. И когда я вернулся оштрафовать домой оказалось, что школа, в которой я учился, не захотела меня принимать обратно. Я был плохим примером для других учеников. Вот тогда я попал в т.н. Немецко-русскую школу. Ее полное название было *Deutsch-Russische Höhere Schule der Reichshauptstadt Berlin*. Она произошла из двух частных русских школ, которые существовали в Берлине в 20-х годах: гимназии Ины Михайловны Штейн и гимназии пастора Мазинга. Мама одно время преподавала музыку у Ины Михайловны.

В тридцатых годах эти две школы объединились и начали добиваться официального признания со стороны немецких властей. Благодаря усилиям очень деятельного директора, фамилия которого была Thiess, школа была включена в немецкую государственную систему учебных заведений. Начиная с нижних классов постепенно переходили на немецкие программы, прибавили 4 подготовительных класса, жалование учителей оплачивалось казной. Школа получила новое помещение на Hohenstauffenstrasse. Если я не ошибаюсь, с 1937 года оканчивающим школу начали выдавать немецкий аттестат зрелости, который давал право поступления в высшее учебное заведение.

Немецко-русская школа отличалась от других школ тем, что она преподавала русский язык уже в подготовительных классах, а в своей «средней» части кроме предмета «Русский язык» имела еще отдельные предметы «Русская литература» и «Русская история». И эти предметы преподавались на русском языке. Это была единственная школа такого рода в Германии.

В конце 1937 года, когда я поступил в 7-ой класс (*Obersecunda*) этой школы, старшие классы ее носили еще явно русский характер. Преобладали русскоязычные учителя и ученики. В низших классах, от 4-го и ниже, и в подготовительной школе, преобладали немцы.

Я окончил Немецко-русскую школу в начале 1939 г. с хорошими отметками и получил полноправный аттестат зрелости. Во время войны 1939—45 школа постепенно «заглохла». Подготовительные классы, и младшие классы

средней школы, были переведены в провинцию, что отозвалось очень плохо на их развитии. Помещение на Hohenstauffenstrasse отобрали для военных нужд. Многих учителей забрали в армию. Количество учеников сильно уменьшилось.

Я не могу сказать, когда школа прекратила свое существование, но в апреле 1945 г. ее больше не было. Одним из последствий войны была советская оккупация восточной Германии, и в советской зоне очень скоро после 1945 года начали вводить преподавание русского языка во всех средних школах.

В Германии, после войны, была опубликована небольшая книжечка о Немецко-русской школе. Одна бывшая ученица давала ее мне прочитать. К сожалению, я не записал фамилию автора и название книги. Но я думаю, что ее можно было бы разыскать в каталогах или библиографических пособиях в Германии.

12. Как поживает «Анастасия»? Не очень хорошо, но со сцены уходить не собирается. Я написал 4 главы (намечается всего приблизительно 30). Надеюсь, что я серьезно возьмусь за это дело, когда я кончу писать это письмо. Я приобрел второй компьютер, технически более совершенный и с большим экраном, и приспособил его к употреблению в разных ситуациях, т. е. поставил его на низкий передвижной столик, так что его можно употреблять сидя в кресле.

(13. 14.)

15. Теперь нужно еще сказать пару слова о «синайском повествовании» Мариной. (...)

С чисто «технической» стороны я обратил внимание на несколько слов, которые не находили точного отображения в моем личном «вокабулари», а именно «круничатый», «развилка», «вислоухий», «гостевой», «разнолыкий», «поделки», «пофигизм» и «дромадер». (...)

Прокомментирую упомянутые слова и отдельности.

«круничатый» — смысл понятный, но мне казалось, что может быть нужно сказать «кручинчатый» (от слова «кручинка»). Однако, все словари говорят, что правильная форма слова «круничатый».

«развилка» — это повидимому слово, которое не употреблялось заграницей. Я бы сказал «разветвление».

«вислоухий» — мне казалось, что этого слова я раньше не слышал. Но я ошибался. Ведь в русском языке много таких составных слов как «краснощекий», «тонкокожий», «лопоухий» и т. д. Почему же не ввести в оборот такое красочное слово как «вислоухий»? Вероятно, мы тут имеем дело с областью языка, в которой такой процесс образования новых слов вполне приемлем. «Вислоухий» уже попал в словари, которые содержат 60 тысяч слов и больше.

«гостевой» — я чувствовал, что следовало бы иметь прилагательное от слова «гость», но я не был уверен что оно существует.

«разноязыкий» — мне не было известно, что есть такое слово. Я бы употребил «разноязычный».

«поделки» — я не знал этого слова. Я вероятно сказал бы «изделия».

«пофигизм» — это единственное слово, значение которого было мне совершенно непонятно. В словарях я его не нашел. Но потом я вспомнил, что есть такое английское слово «profligacy», которое по смыслу очень хорошо подходит. Наверное оно теперь попало в русский язык.

«дромадер» — должен признаться, что я не сознавал, что правильное название этого животного «дромадер», а не «дромедар». Тут оказало влияние мое немецкое прошлое («Dromedar») и английское настоящее («dromedary»). Оказывается, нужно искать французских предков («dromadaire»), а я с французским языком очень мало имел дела.

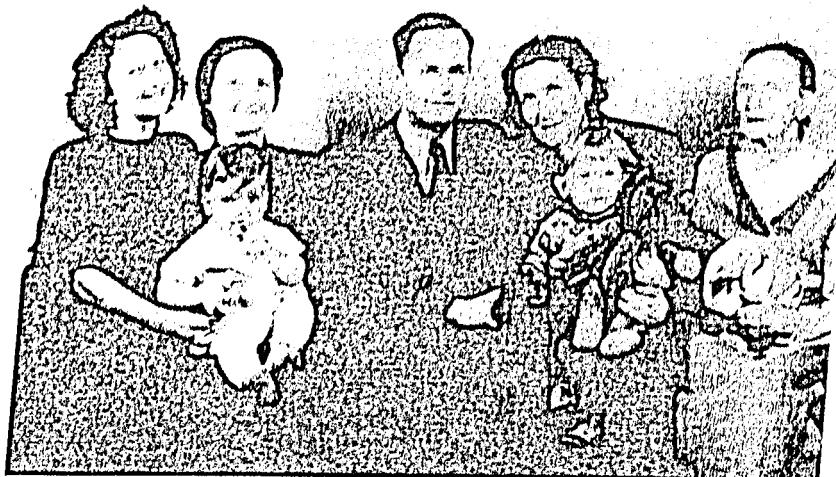
Интересно было бы спросить Гулю, да и Наташу, какое у них мнение об этих словах. Если оно будет совпадать, тогда можно будет сделать вывод, что наше эмигрантское происхождение и недостаточный контакт с современной Россией оказывают влияние на наш язык.

16. {...}

Целуем вас и Сонечку.

Да хранит вас Господь.

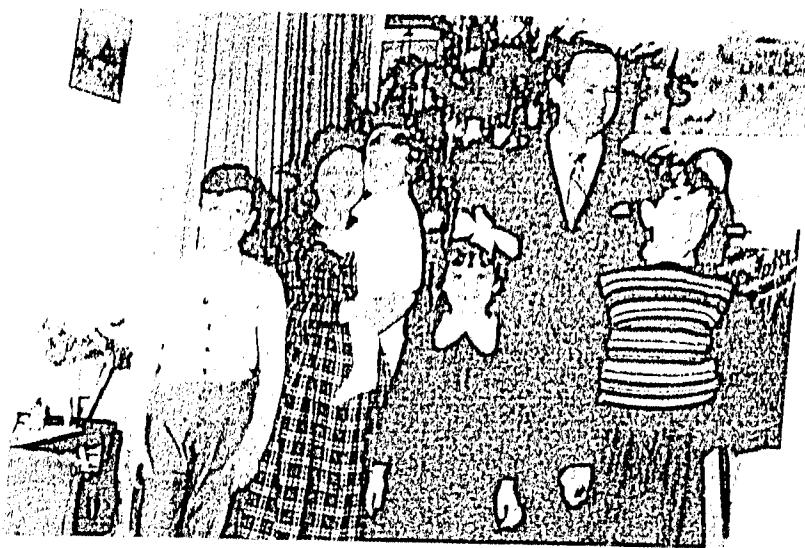
Ваши для Коли и тетя Ира

1950 г, слева направо: Наталья Владимировна Ф., Анна Симоновна С. («баба Аня»,
мать Н. В.), Игорь Алексеевич Ф., Ольга Робертовна Ф. («баба Оля», мать И. А.),
илия Фима; сидят: Алега (слева) и Ваня (справа)

1953 г, слева направо: Алеша, «баба Анна», Муфа, «баба Оля», Ваня

1961/62 г, слева направо: Алеша, Наталья Владимировна, Володя (у нее на руках),
Муфа, Неофыр Алексеевич, Ваня

Литература

- БАС²: Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2. М., 1991.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка*. М., 1981.
- Грот 1890 — *Грот Я. К. Русское правописание*. 8-е изд. СПб., 1890.
- Даль ТС — *Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1—4. М., 1979—1980.
- Денисов, Морковкин 1983 — Словарь сочетаемости слов русского языка / Ред. П. Н. Денисов, В. В. Морковкин. М., 1983.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской*. М., 1985.
- Зеленин 1994 — *Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913*. М., 1994.
- Земская 1995 — *Земская Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*. М., 1995.
- Земская 1998 — *Земская Е. А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Изв. АН. Серия литературы и языка*. Т. 57 (4). 1998.
- Ключевский 1957 — *Ключевский В. Сочинения: В 8 т*. Т. 2. М., 1957.
- Крылов 1954 — *Крылов И. А. Басни и стихотворения*. Л., 1954. (Б-ка поэта, Малая серия).
- Лаптева 1998 — *Лаптева О. А. Говорят по радио и с телеэкрана (Звучит твердо или мягко?) // Русская речь*. 1998. № 5.
- Ожегов, Шведова 1992 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка*. М., 1992.
- Осипова 1996 — *Осипова М. А. [Рец. на кн.:] The Slavonic languages / Ed. By B. Comrie and G. G. Corbett. London; New York, 1993 // Вопросы языкоznания*. 1996. № 1.
- Панов 1990 — *Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв.* М., 1990.
- СРАС 1987 — Словарь русского литературного словаупотребления. Киев, 1987.
- СРЯ 18 в. — Словарь русского языка XVIII века. Т. 1. Л., 1984 (продолжающееся издание).

Часть вторая

**ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ МЕТРОПОЛИИ
И ЭМИГРАЦИИ**

— • —